Загадочная жизнь мисс Айви

Автор:
Сьюзи Ян

Загадочная жизнь мисс Айви

Сьюзи Ян

Подтекст

Одаренная, загадочная, скрытная, умная, изобретательная, задумчивая, одинокая, талантливая Айви Линь.

Невозможно догадаться, кто она. Ведь Айви Линь виртуозно умеет менять маски.

Авантюристка, которая отчаянно хочет воплотить в жизнь «американскую мечту», она готова пойти на все ради своей цели.

И кажется, у нее есть все шансы покорить высший свет, но счастье постоянно ускользает, оставаясь недостижимым. Айви Линь играет в жизни, словно на подмостках. Но чем больше ролей она примеряет, тем сложнее ей оставаться собой.

Сьюзи Ян

Загадочная жизнь мисс Айви

Susie Yang

White Ivy

© Susie Yang, 2020

© Фитисов Н., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается Алексу, в этой и в каждой следующей жизни

Белому гусю не нужно купаться, чтобы побелеть.

Китайская пословица

Часть 1

Глава 1

Айви Линь была воровкой, хотя так сразу и не скажешь. Может, проблема заключалась именно в этом. Она никогда не попадала под подозрение и от этого потеряла всякую осторожность. Внешность заурядная, без особых примет, поэтому у каждого, кто ее видел, исчерпывающее представление о ней формировалось буквально за долю секунды: худощавая девушка азиатской внешности, тихая и спокойная, с послушным лицом, бродит между взрослыми в униформе. Походка у нее была своеобразная, как у уборщиков или вахтеров, которых никто никогда не замечает: плечи вытянуты вперед, подбородок опущен, руки прижаты к бокам.

Она продала бы душу дьяволу, лишь бы стать голубоглазой блондинкой, как близняшки Саттерфилды, или рыжеволосой и веснушчатой копией Лизы

Джонсон – до такой степени ей опостылело собственное лицо с чересчур узкими губами, слишком высоким лбом и круглыми щеками, похожими на созревшие осенние яблоки; из-за них ее зачастую принимали за ученицу начальных классов. Детская внешность всюду только мешалась – пока дело не доходило до воровства, здесь она, напротив, служила идеальным прикрытием.

Единственной гордостью Айви оставались ее светло-шоколадные глаза: округлые, симметричные, с загнутыми в виде полумесяцев уголками, как у китайских маньтоу. В детстве бабушка специально сбривала ей ресницы, чтобы «стимулировать рост волос», и, по всей видимости, ей это удалось: теперь они стали густыми и черными. Другим девушкам для этого пришлось бы нанести с десяток слоев туши, да и тогда сходства едва бы прибавилось. Словом, в целом – но особенно по китайским меркам, – у Айви были красивые глаза, сильно выделявшиеся на невзрачном лице.

Так как же эта большеглазая скромница скатилась до воровства? Как вода проникает даже в самые крошечные щели между валунами, так и мировоззрение Айви формировалось под влиянием разного рода событий, возникавших на ее извилистом жизненном пути и проходивших дополнительную проверку столкновением с твердыней традиционного китайского воспитания.

Родители Айви переехали в США, оставив двухлетнюю дочь на попечение бабушке Мэйфэн, жившей в их родном городе Чунцин. Из последующих трех лет в Китае в ее памяти отложилось лишь одно яркое воспоминание, как она, прижавшись лицом к плащу из грубой ткани, кричала бабушке: «Ты обманула меня! Обманула!» – когда поняла, что та решила оставить внучку у соседа, чтобы выйти на подработку. Уже тогда Айви не демонстрировала неразборчивого дружелюбия, обычно свойственного детям ее возраста; она привязывалась страстно, но в высшей степени выборочно – либо глубокая преданность, либо вовсе ничего.

Когда Айви исполнилось пять лет, Нань и Шэнь Линь накопили денег и на переезд дочери. «Ты будешь жить в Америке, – говорила ей Мэйфэн, – в красивом штате: Мас-са-чу-сетс». Хотя девочка едва помнила своих родителей, она уже не раз получала от них фотографии полей, прудов, квадратных лужаек, синего неба, цветущих деревьев ярко-розового цвета и цветов фуксии, которые ее бледная мама обычно держала за тонкие стебли, напоминающие палочки с сахарной сливой – любимую новогоднюю сладость Айви. Все это только подогревало интерес к предстоящей поездке. Она мечтала полететь вместе с

бабушкой, но, в последний момент передав внучку в руки стюардессы в элегантном жилете с красивыми золотыми пуговицами, Мэйфэн исчезла в толпе провожающих.

В самолете Айви стошнило, а затем она принялась плакать и не останавливалась в течение всего полета. Последний раз она взвыла уже в аэропорту Логан, когда бортпроводник подтолкнул ее к двум незнакомым азиатам с ревущим младенцем. Белые кулачки младенца покрывали какие-то потрескавшиеся пятна, а сам он был не больше японского дайкона, который Айви собирала на огороде вместе с бабушкой. Волоча ноги, девочка споткнулась о собственный шнурок и упала на колени.

– Поднимайся, – приказал мужчина, протянув к ней руку.

Женщина, продолжая укачивать ребенка, повернулась к мужу. В ее голосе чувствовалось усталость:

– А где ее чемоданы?

Айви вытерла слезы и взяла мужчину за руку. Она сразу поняла, что таким поведением ничего не добьется от этих толстокожих людей: они совсем не походили на суетливых китайских тетушек, которые, едва заметив малейшее недовольство Айви, уже бы давно попытались задобрить ее новенькой пачкой мелков или сладких конфет.

Таким было ее первое воспоминание о воссоединении с семьей: грубые, мозолистые пальцы Шэня Линя сжимают ее собственные, запах табака вперемешку с мятной зубной пастой, ясный зимний свет, заливающий все помещение, огромные окна, за которыми прилетают и улетают самолеты, и ее брат Остин на руках у матери, комочек костей в вонючих памперсах. Зашагав рядом с родителями, Айви ничего не почувствовала: мир вокруг казался одновременно бесконечным и в то же время сжимающимся в одну точку, как будто ее погрузили под воду. В последующие годы это чувство будет не раз возвращаться к ней и вызывать слезы, которые блестящей тонкой пленкой потекут по щекам и закапают в наполненную ванну.

* * *

В вопросе воспитания Нань и Шэнь уделяли особое внимание телесным наказаниям, однако не нагружали детей домашними обязанностями. Айви никогда не заставляли застилать постель, – а вот переносить боль пришлось научиться. Как и многие иммигранты, ее родители мечтали только об одном: чтобы их дочь стала врачом. Айви достаточно было просто сказать: «Хочу быть доктором!», чтобы их лица засияли одобрением, которое даже можно было бы принять за любовь, но хватало этого выражения всего на пару минут.

Несмотря на свою бестактность, Мэйфэн все же хорошо заботилась об Айви, чего нельзя было сказать о Нань. Айви чувствовала тепло рук матери только когда к ним приходили гости. Обычно это была младшая сестра мамы, тетя Пин, с мужем или другие китайцы, с которыми отец Айви работал в небольшой IT-компании. Во время таких субботних посиделок Нань жевала семечки или сушеные личи, и ее обычно опущенный уголками вниз рот обращался в улыбку, словно надутый ветром парус; она превращалась в спокойную, заботливую женщину без морщинки между бровями. Айви весь вечер с нетерпением ждала этого момента и постепенно перебиралась по дивану поближе к матери, чтобы всего за несколько умелых движений устроиться на ее коленях.

Иногда Нань обнимала дочь за талию; порой даже гладила ее по голове, но делала это рассеянно и прерывисто, будто сама того не осознавая. Айви жадно растягивала каждое мгновение, проведенное в таком положении, из страха, что все вот-вот закончится, – с такой силой она тосковала по нежным прикосновениям и уютным материнским коленям. Ей самой этот замысел казался настолько хитрым, что его никто не должен был раскрыть. Однако когда ей исполнилось шесть, Нань заметила подвох. Ее тело внезапно сделалось жестким и упругим.

– По-моему, ты уже достаточно взрослая для таких игр.

Айви замерла на месте. Все вокруг засмеялись.

– Какая у вас ни-ах дочка!

С сычуанского диалекта это слово переводится как назойливый. Девочка заставила себя раскрыть глаза так широко, как только могла, но все было тщетно. На губах уже ощущался соленый привкус.

– Посмотри на себя, – сделала ей замечание Нань. – Они просто шутят! Господи, какая неженка. Ты же старшая сестра! Где твоя храбрость? Успокойся и тинхуа[1 - Быть послушным (кит.).]. Вытри нос.

Айви навсегда запомнила стыд, смущение, боль, отторжение и ужасное одиночество, которые испытала в тот день. Из-за этого она замкнулась в себе; даже спустя несколько лет, услышав, что Мэйфэн считает ее доверчивым и любящим ребенком, она ошибочно подумает, что бабушка спутала ее с Остином.

* * *

Айви стала нелюдимой и научилась скрывать свои чувства ото всех – кроме Остина, который, в отличие от остальных членов семьи, всегда ее поддерживал. Ни один из родителей Айви не говорил ей ничего, что могло хотя бы подпитать ее бурное воображение. Какая жизнь ей уготована? Что ждет ее в будущем? Любовь? Радостное волнение? Представление обо всем этом она черпала из книг.

Английский Айви выучила без каких-либо проблем – она уже даже забыла, когда его не понимала, – и немедленно принялась поглощать одну книгу за другой. Крошечная полузаброшенная библиотека Западного Мэйплбури с почти глухим библиотекарем, по мнению Нань, отлично заменяла ее дочери детский сад. По мнению самой Айви, это было лучшее место на земле. Больше всего ей нравились мрачные книжки – о сиротах, несчастных влюбленных, жертвах развратных дядек и злых мачех, болезненно худых танцовщицах и одиноких неудачниках. В каждой истории она видела саму себя. Все эти героини были удивительно красивы; Айви даже казалось, что из этой красоты произрастали и все остальные желанные черты – ум, храбрость, сила воли и чистота души.

В начальной школе она была обычной, серой девочкой, ни лучше, ни хуже других, однако так продолжалось лишь до шестого класса, тогда она перешла в подготовительную школу округа Грув. Ее отца взяли туда компьютерным специалистом, а детям сотрудников учиться можно было бесплатно. Там Айви и нашла свой главный источник вдохновения роскошной жизнью – опрятного американского мальчика, представителя доселе не встречавшегося ей типажа, по имени Гидеон Спейер. Дети такого сорта обычно посещали воскресную школу, а по праздникам дарили своим матерям маргаритки.

Айви скоро поняла, как мало у нее было шансов на внимание Гидеона. Дружелюбия у него не отнять, – они даже обменялись телефонными номерами, когда готовились к уроку литературы, – но вокруг него постоянно крутились другие девчонки в коричневых туфельках и белых хлопковых гольфах, а Айви ходила в старомодных черных чулках и громоздких прорезиненных ботинках. Конечно, она пыталась подражать одноклассницам в силу своих возможностей: прятала волосы под повязку, сшитую из старого шелкового шарфа, бросала заплесневелые монеты в покрытую плющом статую святого Марка, ела йогурты с низким содержанием жира и конфеты «Скитлс», сидя под цветущим тополем. Однако все это едва ли помогало влиться в коллектив.

Как такая скромная, домашняя девочка из бедной семьи могла получить то, чего хотела?

Родители вечно твердили: «Работай усердно, и удача будет на твоей стороне».

А учителя говорили: «Относись к другим так, как бы ты хотела, чтобы они относились к тебе».

Единственным человеком, который научил Айви хоть каким-то практическим навыкам, была Мэйфэн. Когда внучке исполнилось семь, любимая бабушка наконец получила заветную грин-карту. Два года для детей ощущаются как целое десятилетие для взрослых. Айви по-прежнему любила Мэйфэн, хотя со временем ее любовь стала более абстрактной: она состояла преимущественно из ностальгических воспоминаний, пропитанных слезами подушек и сильной тоски. Настоящая же Мэйфэн пугала ее своей прямолинейностью и манерой громко говорить – порой даже слишком громко. Подзабывшая китайский Айви отвечала на бесконечные расспросы бабушки очень медленно, каждый раз подбирая правильные слова. Обычно же она сидела в библиотеке или лежала с книгой на диване, свернувшись калачиком.

Чтобы не терять время, бабушка решила немедленно привить внучке два главных качества, необходимых для выживания: уверенность в себе и умение приспосабливаться. В Китае она реставрировала книги для одного состоятельного продавца кожаных перчаток и обуви. Обманывая клиентов, он завышал цену за каждый товар и даже торговал подделками; те, в свою очередь, ловко возмещали разницу, расплачиваясь фальшивками. Даже жена этого человека воровала деньги из кассы ради собственных родителей, братьев и сестер. Мэйфэн вела приходно-расходную книгу, складывая и вычитая в уме

четырехзначные цифры не хуже любого калькулятора. За каждый такой перевод она приписывала себе пару лишних монет. В Массачусетсе же, отчаянно пытаясь найти работу, благодаря приобретенным ранее навыкам она стала неплохо экономить: устраивала мелкие кражи, меняла ценники, требовала скидку на продукцию якобы с дефектом. Она даже могла заплатить только за один товар, искусно утаив остальное от глаз кассира.

Первое «дело» Айви состоялось в «Гудвилле», магазинчике неподалеку от дома. Она рассматривала содержимое деревянного ящика с бижутерией и цветочными брошами, когда Мэйфэн окликнула ее ласковым детским прозвищем, Баобао, и вручила пахнущий нафталином шерстяной свитер.

– Помоги мне с этикеткой. Только не порви. – Бабушка взглянула на внучку со всей серьезностью. Лучше сделай как надо, иначе хуже будет.

Айви поддела ногтем уголок белого трехдолларового ценника и схватилась за него двумя пальцами. Она аккуратно сняла этикетку, не оставив ни следа, и передала Мэйфэн. Та приклеила ее на уродливую желтую футболку за двадцать пять центов; с ценником на футболке пришлось повторить ту же операцию. В результате на свитере оказался новый ценник, уголки которого Айви аккуратно пригладила ногтями.

Мэйфэн была довольна, судя по губам, вытянутым в странной полугримасе, – так она улыбалась.

– Идем домой. Ты заслужила пончик.

Айви радостно вскрикнула и, закружившись в танце, случайно уронила стойку с одеждой. Бабушка молниеносно схватила один из упавших шарфов и сунула его в левый рукав.

– Спрячь под куртку. Любой из них. Быстро!

Айви скомкала шарф с розовым узором (тот самый, из которого несколько лет спустя сошьет головную повязку) и убрала его в карман.

– Это мне?

– Не показывай никому, – приказала Мэйфэн и, подводя внучку к кассе, приготовила блестящую монету в двадцать пять центов. – Пусть это будет твоим первым уроком: одной рукой даешь, другой забираешь. Никто не следит за обеими одновременно.

* * *

Спустя год «Гудвилл» закрылся, но к тому времени Мэйфэн обнаружила кое-что поинтереснее: дворовую барахолку, которую можно было узнать издалека по прибитым к деревьям картонным указателям. Каждые выходные она внимательно изучала подходы к этому месту, вместе с внуками прохаживаясь у белоснежных заборов, за которыми стояли дома с поднятыми флагами и обрамленными яблонями лужайками. Показывая цену на исковерканных артритом пальцах, бабушка торговалась на ломаном английском и в знак протеста постоянно кричала: «Дешевле! Дешевле!» – продавцов это сбивало с толку, и после недолгих прений они все-таки соглашались снизить цену. Тогда бабушка тянулась за холстяным мешочком, привязанным к нижнему белью, и доставала из него несколько монет и пару смятых купюр.

Другие, более ценные товары Мэйфэн прятала в розовом нейлоновом рюкзаке Айви: там можно было обнаружить изделия из серебра, ремни и полностью рабочие наручные часы «Таймекс». На детей, бегающих по двору, никто не обращал внимания, а если владелец все-таки и обнаруживал пропажу после того, как они убегали, то списывал все на собственную плохую память.

Возвращаясь домой вдоль реки после очередной такой экскурсии, Мэйфэн назвала американцев глупыми.

– Они такие ленивые, что даже не могут уследить за собственными вещами. Совсем не айши[2 - Любить (кит.).] их. Позорище. – Она положила руку на голову Айви. – Запомни, Баобао: когда дует ветер перемен, одни строят стены. Другие – ветряные мельницы.

Девочка повторила эту фразу, представляя, что она сама мельница и нежный ветерок обдувает ее переливающиеся на солнце механические руки.

Между ними с бабушкой протиснулся Остин:

– Можно мне конфету?

– Что случилось с леденцом, который тебе дала сестра? – рявкнула на него Мэйфэн. – Опять уронил?

Вспомнив свою оплошность, мальчик поморщился и заплакал.

* * *

Айви знала, что ее брат ненавидит эти походы. В пять лет ему не хватало проницательности и сдержанности, которыми обладала сестра в его годы. Он мог завопить во все горло, колотя пухленькими ручками по земле, пока Мэйфэн не успокаивала его обещанием новой игрушки: «Хочешь машинку за доллар или, может, сходим в „Макдоналдс“?». Подобные выходки со стороны Айви были неприемлемы, но младшему ребенку – и тем более мальчику – в семействе Линь потакали абсолютно все.

Сама Айви жалела о том, что родилась девочкой. Особенно остро она почувствовала это в двенадцать лет, когда, проснувшись утром, заметила на трусах матовое, похожее на ржавчину пятно. Все ее страхи насчет полового созревания только подтвердились. Нань никогда не красилась и не ухаживала за кожей. Она самостоятельно стриглась и каждое утро умывалась простой водой, а затем вытиралась обычным полотенцем. Одну неделю в месяц пользовалась самодельной тканевой прокладкой (в первые дни утолщая ее бумажными полотенцами), которую каждый вечер стирала в раковине и вывешивала сушиться на балконе. Американки же имели все необходимое для своих многочисленных нужд: одноразовые прокладки, тампоны, лифчики, бритвенные станки, пинцеты. Айви даже подумать не могла о том, чтобы попросить что-нибудь такое и для себя. Сама идея об эпиляции ног или подмышек только из эстетических соображений вызывала у ее матери такой ужас, будто с людей заживо снимали кожу. Более того, на этот счет Нань и Мэйфэн полностью сходились, поэтому Айви стоило рассчитывать только на себя. В то время она как раз перешла с барахолки на два крупных городских гипермаркета: «Кеймарт» и «Т. Дж. Макс».

Ее первой добычей стали тампоны, блеск для губ, коробка валентинок и упаковка одноразовых станков. Позже, набравшись смелости и опыта, она принесла домой резиновые сандалии, спортивный бюстгальтер, тушь, кольцо-

хамелеон зеленовато-голубого цвета и, наконец, самый ценный трофей – дневник в кожаном переплете с золотистым замком. Всю эти сокровища она рассовала по самым отдаленным уголкам ящиков комода. По ночам она доставала ежедневник и записывала в него красивые цитаты из прочитанных романов: «…ибо то, что зримо, проходит и исчезает, но то, что незримо, живет вечно». А в последних двух классах средней школы стала писать любовные письма Гидеону Спейеру: «Сегодня мне приснился необычный сон. В нем было столько страсти, что я проснулась от боли… Я держала твое лицо трясущимися руками… Если бы я не боялась приблизиться к тебе… Если бы ты не был таким идеальным…»

Так Айви и росла, подобно упрямому сорняку, который пытается стать прекрасным цветком несмотря на свои корни. Годы бабушкиных уроков вкупе с американскими ценностями каким-то странным образом укрепили в ней непоколебимую веру в «особые» навыки, без которых не станешь хорошей тинхуа девочкой в глазах окружающих. Айви любила быть хорошей девочкой, хотя никогда бы не призналась в этом. Она не была ни жадной, ни небрежной. И самое главное – она никогда не попадалась. Ее грела мысль о том, что если ее и поймают с поличным, обвиняющий ничем не сможет доказать свои претензии – ведь за все эти годы она научилась не только красть, но и отлично врать.

Глава 2

Кроме Мэйфэн о проделках Айви знал только Роман Ру, живший по соседству. Это был семнадцатилетний мальчик, худой как щепка, с темными волосами и серо-голубыми глазами, машинально сужающимися при виде дураков с латиноамериканским прошлым, которые постоянно вертелись вокруг него и презирали худощавых болванов (глистов в скафандре), калек, собирающих продовольственные талоны (ленивых пиявок), бесполезного школьного учителя, считавшего, что миром правят отличники, а еще – его безмужнюю мамашу, прошедшую не по одним рукам проститутку, хоть никто и не осмеливался говорить об этом в его присутствии.

Они познакомились четыре года назад. Айви заметила его на заднем дворе Эрнесто Моретти, который каждое лето вместе с родителями проводил на мысе Код, о чем обычно начинал хвастаться еще за несколько месяцев до поездки.

Как только блестящий красный седан семьи Моретти исчез на горизонте, Роман принялся отвинчивать болты на тяжелом черном замке, висевшем на двери деревянной пристройки. Мэйфэн учила внучку не лезть в чужие дела (самое сильное дерево всегда срубают первым), однако в этот раз она ослушалась заветов бабушки и крикнула:

– Что ты делаешь?

Роман тихо ругнулся, но оправдываться не стал, чем еще сильнее подогрел интерес соседки. Айви уже давно приметила его; она чувствовала, что под нелюдимой внешностью скрывается родственная душа. Этот мальчик постоянно шатался по району в поисках легкого заработка: то принесет чьи-то продукты, то выкопает из снега застрявшую машину, хотя к их старенькому «форду» ни разу не притронулся – дохлый номер, и надеяться на наживу не стоит. И сейчас в его взгляде читалась непокорность; он даже ухмыльнулся, будто говоря: «А что я, по-твоему, делаю?»

Айви хотела было обронить слово «полиция», но никто во всей округе Фокс Хилл, включая их семейство, не доверял органам правопорядка.

– Постоять на шухере?

– Кто ты такая?

От удивления черные брови Романа поднялись до самых волос.

– Соседка, – ответила девочка, назвав ему свое имя.

– Встань там и свистни, если вдруг кто-то поедет.

Айви опустилась на траву среди толстых деревьев и сделала вид, что собирается немного перекусить и приклеить пару наклеек в альбом «Клуба нянек». Ее глаза неустанно смотрели на извилистую дорогу в ожидании какой-нибудь машины; впрочем, на горизонте было пусто. Спустя пять минут Роман выкатил из сарая колеса от велосипеда Эрнесто. «Так ему и надо», – добавил он. Айви спросила, что между ними произошло, но Роман ничего не ответил. Он повесил на место замок, стер отпечатки пальцев (видно, опытный вор; Айви не могла не

впечатлиться), и, выхватив у нее из рук альбом, перелистнул пару потертых страниц. Это произошло так быстро, что Айви даже не успела толком отреагировать. Роман посмотрел на нее насмешливо, даже немножко с жалостью:

– Ого, какая жуть!

По всему альбому были расклеены подписанные глянцевые снимки девочек «Клуба нянек»: Кристи, Стейси, Мэри Анн, Доун, Мэллори. Единственной азиаткой среди них была японка Клаудия Киши, но Айви заменила ее собственной фотографией в любимом синем платье с кружевными рукавами и поясом с ладонь шириной.

– Это просто баловство.

– Ага, конечно. А я Санта Клаус.

В тот день Айви так и не пообедала. Они с Романом провели остаток дня на полуразрушенной детской площадке с пластмассовыми горками и ржавыми качелями, угощая голубей бутербродами из картофельного хлеба и копченой колбасы. Их встречи продолжались до конца лета. Парк. Библиотека. Магазин «Севен-Элевен». Речка. Детская площадка, на которой они лениво обрывали кусты ежевики, торчавшие сквозь проволочный забор. Однажды Роман принес с собой слегка потрепанную тетрадь с чернильными рисунками домов с пропеллерами, велосипедов, летающих на мыльных пузырях, и машин с огромными черными крыльями, словно у летучих мышей. Так он открывался перед Айви. Взамен она делилась с ним своими любимыми библиотечными книгами, а как-то раз даже великодушно переписала одно стихотворение Сильвии Плат на отдельный лист розовой бумаги, который неожиданно нашла в одном из журналов. Одной рукой даешь, другой – забираешь. Но она решила умолчать о причудах матери, китайских корнях родителей и магазинных кражах. Только глупец способен раздавать знания просто так – а ведь их, как и деньги, никто никогда не возвращает.

* * *

На следующее лето Айви раскрыла еще один секрет Романа. Покупая ветчину на школьные бутерброды в магазине мистера Моретти, она случайно уронила четвертак в отделе газированных напитков. Монетка укатилась к слегка приоткрытой лакированной двери красного цвета с медной ручкой. Внутри кто-то был. Послышался шепот, сопровождаемый сначала тяжелым вздохом, а затем тихим мужским стоном. Подумав, что кому-то плохо, Айви посмотрела сквозь щель и увидела массивный черный стол, рядом с которым стоял отец Эрнесто. На коленях перед ним сидела мать Романа: костлявые руки обнимают его за крупную талию, щека прижата к бедру.

Поначалу Айви показалось, будто они толкаются, хватаясь друг за друга и гневно фыркая в ответ, словно два китайских быка, сцепившихся рогами над мелкими кустиками, но вскоре стало ясно, что это звуки экстаза. Вниз по загорелому животу мистера Моретти спускалась полоска черных волос, напоминавшая ряды деревьев на горе, и когда он изгибался от наслаждения, их макушки шевелились, словно от легкого ветерка. Охваченная одновременно страхом и любопытством, Айви завороженно смотрела на происходящее, будучи не в силах сдвинуться с места. Тем временем, что бы она ни делала, миссис Ру закончила. Мистер Моретти издал тихий стон и, подняв глаза, уставился на Айви. Медленно, не отрывая взгляда, он нагнулся и слегка хлопнул мать Романа по щеке, однако что было после, Айви не видела: она повернулась и убежала.

Роман курил на улице. Он был в тех же шортах, в которых до этого полдня купался с Айви в бухте. Он напрочь отказался заходить с ней в магазин, сказав, что там ошиваются одни наркоманы. Широко распахнув дверь, Айви взволнованно схватила его за руку и закричала: «Бежим! Быстрей!» Ей хотелось поскорее убраться как можно дальше от этого места. Но было поздно: спустя пару мгновений на крыльцо, приглаживая темные волосы, поспешно вышла миссис Ру. Под глазами у нее чернели тени, а широкие морщины, тянущиеся вниз от самого носа, придавали лицу отчаянно-изнуренный вид. Она быстро заговорила по-румынски. Роман взглянул сначала на мать, потом – на Айви. Бросил окурок на тротуар и прижал его пяткой. «Идем». Голос равнодушный, лицо невозмутимо.

Миссис Ру продолжала кричать им вслед даже когда они уже завернули за угол. Айви подумала, до чего она в этот момент походила на Нань, хоть та и говорила на китайском: ругань на обоих языках звучала почти одинаково, словно карканье злых ворон. Гнев рубил согласные на короткие и твердые куски. Может быть, он и был единственным общепонятным языком.

По дороге в Фокс Хилл Роман не обронил ни слова. То, что Айви увидела в магазине, вызвало у нее отвращение, но в глубине души пробудило и что-то вроде интереса: теперь это чувство щекоталось у нее в животе, как легкий вздох. Она посмотрела на собственную руку, в которой все еще была зажата запотевшая пластиковая бутылка.

– Ой! Я забыла заплатить за газировку!

– Тебя это сейчас волнует? – наконец заговорил Роман. В его тоне чувствовалось отвращение.

«В смысле?» – хотела было переспросить Айви. Что ей кажется, будто бы она сама как-то виновата в случившемся? Что их матери в гневе похожи на каркающих птиц? Но вместо всего этого она вдруг рассказала ему о том, что иногда ворует.

– Так и знал, что ты что-то скрываешь! Я был прав! – торжествующе воскликнул Роман.

– Да, но…

– И твоя бабушка?

– Она только…

– А какие дома?

Айви попыталась объяснить, мол, на самом деле это даже не воровство: они всего лишь берут мелочи, до которых нет дела самим хозяевам. Но Роман уже едва ли слушал. В его взгляде появилось уважение – и кое-что еще, что-то настойчивое и жаждущее. Айви заметила на его правой щеке ямочку, похожую на запятую на пустом листе бумаги, и в этот момент ей стало непонятно, почему он не старается как-то привести себя в порядок. Ведь нужно всего ничего: подобрать правильную одежду, подстричься, одарить пару девочек милой улыбкой – и, словно по мановению волшебной палочки, ты уже совсем другой человек. Он запросто мог бы замаскироваться под обычного американского мальчишку, но почему-то даже не пытался это сделать, а вот Айви со всеми

своими манерами и тщетными попытками приодеться обречена на вечные страдания: никуда не деться от этой желтой кожи, черных волос и плоского носа, из-за которых никто вокруг не замечает, что она все-таки Американка! Американка! Американка!

* * *

– От этого русского только жди беды, – однажды ни с того ни с сего заметила Нань.

– Вообще-то он румын, – парировала Айви, быстро смекнув, о ком шла речь.

– Он глупый. Невозможно стать кем-то без отца. А как его воспитывает мать? Никак! Она возвращается домой под утро. Волосы странно уложены. Чем она занимается? Нельзя оставлять ребенка одного. Есть всего два типа людей, которые не спят по ночам: грабители и распущенные женщины. Держись от него подальше, поняла? – Айви воткнула приборы в рис. – А еще они бедные, раз живут в этом районе.

– Как и мы.

– Это другое дело, – резко ответила Нань. – У твоего отца есть магистерская степень.

Айви тут же отметила, что отец Романа мог бы стать доктором любых наук.

– Хватит нести чушь. Лучше помоги бабушке с обедом. Мне нужно заниматься.

Когда Нань не закупалась продуктами в гонконгском магазине на Девятом шоссе, то учила язык по крошечному китайско-английскому словарю с синей обложкой. Она пользовалась собственной, ей одной понятной методикой обучения. Однажды за обедом Айви в шутку сказала, что ее мать могла бы достичь куда больших успехов, если бы начала ходить в американские супермаркеты. Тогда отец в первый и последний раз дал ей подзатыльник – молча, но достаточно сильно, чтобы боль не унималась еще несколько часов.

Осенью Шэнь устроился компьютерным специалистом в подготовительную академию округа Грув, куда затем перевели и Айви. Родители не признались, что все это было сделано из-за Ру, но она и так прекрасно все поняла.

– Что это на тебе? – ухмыльнулся Роман, впервые увидев ее в новой форме, которую будто бы только что достали из целлофановой упаковки. – Галстук на застежке?

Он бесцеремонно потянулся руками к ее шее. Айви не успела отпрыгнуть, и кипенно-белый воротник покрылся следами грязных пальцев, всего несколько мгновений назад державших жирный кусок пиццы.

– Посмотри, что ты натворил! – вскрикнула она и, смочив слюной палец, принялась растирать пятно. Роман лишь презрительно усмехнулся. – Это форма академии Грув в Андовере, – фыркнула Айви, внутренне желая задеть его. – Теперь я учусь там.

– Твои родители выиграли в лотерею?

– Я получила стипендию, – солгала Айви. Она перечитала кучу романов о красивых частных школах, где ученики преодолевали социальные пропасти благодаря упорству, обаянию и (по большей части) красоте и находили свою любовь где-то посреди конюшен и вересковых пустошей. До этого ее полностью устраивала местная школа, в которую ходили все дети из Фокс Хилл, но теперь все изменилось.

С тех пор Айви всячески старалась избегать Романа; она чувствовала, что их взгляды все больше расходятся. Он довольно быстро понял, что все это начало ее тяготить, однако обнаружил удивительную недогадливость относительно причин такого поведения. Пассивность и молчаливость Айви казались ему застенчивостью. Все прояснилось лишь когда он уже в пятый раз пригласил ее погулять вместе с «парнями» – теми самыми ребятами, которых когда-то называл глистами в скафандрах, – и Айви вышла из себя.

– Я никогда не стану общаться с такими людьми!

– Они не такие страшные!

– Они жалкие нищеброды.

Айви повторила слова своей матери и этим перешла черту.

С лица Романа сбежала краска, только уши запылали красным. Над верхней губой, где у него уже появились первые намеки на усы, выступила испарина.

– Когда ты успела стать такой высокомерной стервой?

– А когда ты успел стать таким неудачником?

Когда Роман поднял руку, Айви машинально закрыла лицо. Однако он полез в задний карман и бросил в нее мелкий, пожелтевший квадратик, который врезался ей в грудь и упал под ноги. Это была ее собственная старая фотография в потрепанном синем платье, очевидно, утащенном с барахолки, с широким низом и дешевым отливом на ткани. Она никак не могла понять, где он ее взял, но, заметив на обратной стороне следы засохшего клея, тут же вспомнила о старом альбоме с журнальными вырезками: как-то она заметила, что между карточками Стейси и Кристи образовалось пустое место, и подумала, что, должно быть, потеряла свой снимок.

* * *

Кроме Романа, друзей у Айви не было. Она была одинока, но не стремилась к тому, что можно назвать дружбой. Ее одноклассники «зависали» в школе, но все самое важное обычно происходило за ее пределами – то есть на вечеринках, на которые ее никогда не приглашали. Она, однако, даже изучила (правда, исключительно в теории) суть классических игр вроде «Втяни или выдуй», «Бутылочки», «Семи минут в раю», «Откуси яблоко», «Подмигни», «Правды или действия» и прочих развлечений с выпивкой, которые, впрочем, были скорее репетицией реальной жизни, чем просто играми.

Однажды в женской раздевалке Лиза Джонсон рассказала, как Том Кросс расстегнул ширинку и положил ее руку на свою промежность. «Прямо при папе, который в это время вел машину!» – воскликнула она с наигранным ужасом. Айви охватило любопытство. Не занимался ли чем-то подобным Гидеон? Будучи лучшими друзьями, они с Томом делали все вместе. Как бы она поступила, если

бы Гидеон предложил ей потрогать свое таинственное мужское достоинство, зловеще выпирающее из-под шорт, или поцеловал бы ее с языком, как это сделал Хенри Фицджеральд с Никки Саттерфилд на последнем собрании группы поддержки, пока один из ее помпонов, свисая с руки, переливался синим и белым? Но Айви никогда не держала парня за руку и не целовалась; она чувствовала себя желанной только когда смотрела на свою фотографию в синем платье (и все-таки зачем Роман хранил ее все это время?). В такие моменты ее тело сковывала щемящая тоска, сулившая бессонницу и мешки под воспаленными глазами; наутро Мэйфэн приходилось целовать внучку в лоб, чтобы проверить температуру.

Через две недели после наступления летних каникул внезапно позвонил Гидеон Спейер. Он приглашал Айви на свой день рождения («будет просто небольшая вечеринка с ночевкой»). Ему исполнялось четырнадцать лет. Заикаясь и нервно хихикая, Айви смогла выдавить из себя «да» и, едва успев положить трубку, ринулась в спальню, которую делила с бабушкой («Куда ты так спешишь?»). Там она сунула голову под подушку и вопила от счастья, пока не набила полный рот хлопку. В тот вечер она записала в дневнике: «Теперь все будет по-другому».

Осталось только получить разрешение от матери. Айви соврала ей, что ее пригласила к себе с ночевкой одноклассница Уна Ким, и на всякий случай добавила: «Если ты не позволяешь мне заводить друзей, то какой толк от этой школы для богатеев?» Уна жила в том же районе Андовера, всего в трех кварталах от Гидеона. Настоящая удача. Нань ничего не сказала, но взгляд у нее стал хмурым – нехороший знак. Время от времени она принималась тревожиться куда сильнее, чем следовало.

Готовясь к предстоящей вечеринке (в самом худшем случае она решила тайком уйти из дома; Мэйфэн спала очень крепко, поэтому точно ничего не услышала бы), Айви проколола уши обычной швейной иглой. За пару дней до этого она украла длинные серьги с сердечками, которые спрятала под большой стопкой белья в нижнем ящике комода. Продеть их в только что сделанные дырочки оказалось сложнее, чем Айви думала: ей пришлось несколько раз поморщиться от боли, прежде чем получилось наконец найти выход с другой стороны уха. Мочки у нее распухли и стали ярко-красными, но полученный результат стоил всех страданий.

К несчастью Айви, в тот день в ванной расшатался замок. Нань обнаружила дочь посылающей поцелуйчики зеркалу, с иголкой в руке. Она буквально обезумела –

залепила Айви пощечину один раз, второй, затем захотела вырвать сережки с мясом. На шум прибежала Мэйфэн; она напала на Нань с мухобойкой, крича: «Ты порвешь ей уши! Ты порвешь ей уши!» Их борьба длилась будто целую вечность, но оробевший Остин и равнодушный Шэнь, для которых такое уже было не в новинку, предпочли спрятаться в спальне.

После этого Нань больше не поднимала тему проколотых ушей, а последующие четыре дня и вовсе стала более снисходительной к дочери. Таково китайское воспитание: сначала телесное наказание, а затем – чрезмерная доброта. Нань постоянно била мужа, а затем готовила его любимый суп и суетилась, спрашивая о его самочувствии. Когда она перегибала палку, Шэнь отвечал взаимностью, но вскоре остывал, обещая бросить курить. Мэйфэн ни разу пальцем не тронула Айви, а вот Остину доставалось каждый день – причем она считала, что внук должен быть ей благодарен, поскольку только так можно привить ребенку дисциплинированность. Бедные же американские дети, по ее мнению, были обречены стать хулиганами и одинокими оболтусами из-за попустительства своих бабушек и дедушек. После очередной встряски она вела внука в «Макдоналдс», где покупала ему «Хэппи Мил». Иными словами, в семействе Линь всегда награждали за перенесенное наказание. Именно поэтому Айви разрешили пойти на вечеринку с ночевкой.

* * *

За подарком Гидеону Айви отправилась в «Кеймарт». Конечно, лучше было бы сходить в большой торговый центр в Западном Мэйплбури, но тогда пришлось бы ехать с отцом, просить у него денег и потом показывать, что она выбрала «для Уны». В «Кеймарте» же Айви решила зайти в отдел электроники; продавщица там была так увлечена журналом People, что пропустила уже пятерых покупателей. Айви обошла стеллажи и выбрала прорезиненный морской бинокль. В буклете, который шел в комплекте с биноклем, говорилось о водоотталкивающих, противотуманных и ударостойких свойствах оптического прибора и наличии линз с идеальной светопропускной способностью. Отличный сюрприз для юного мореплавателя, который, украсив стенку шкафчика изображениями кораблей, любил читать «Парусный мир», в то время как другие мальчишки предпочитали «Плейбой».

Айви уже потянулась за рюкзаком, как внезапно перед ней оказался Роман. Они быстро узнали друг друга, хотя после случая с фотографией не общались уже

почти год. На нем было красное рабочее поло с белым бейджем, приколотым к нагрудному карману. Как и любая форма, оно скрадывало всю индивидуальность, но в то же время подчеркивало его истинную, неподдельную сущность.

Он вальяжно приблизился к ней:

– Что это ты тут забыла?

– Стараюсь понять, что читает вон та женщина.

Айви по-шпионски поднесла бинокль к глазам, а затем с наигранным безразличием вернула его на место.

– Я тут работаю, если вдруг ты не заметила. Так что теперь не получится таскать вещи просто так.

На лице Романа появилась слабая ухмылка.

– Расслабься. Я просто смотрю.

Развернувшись на каблуках, она вышла из магазина. Разочарование душило ее, словно вставший поперек горла комок недоваренного риса.

На следующий день она вернулась в «Кеймарт» ровно в девять часов утра.

– Опять просто смотришь?

Айви буквально подпрыгнула от удивления. Роман снова стоял позади в том же дешевом красном поло. И как все-таки он быстро ее нашел! Однако у происходящего был один нюанс: Айви крутилась у того же стеллажа с тем же биноклем в руках.

– Зачем тебе это? – спросил Ру.

– Ты что, преследуешь меня?

– Конечно. Ты же воришка.

– Я не для себя. Это подарок одному другу.

Роман взял бинокль и проверил ценник: почти сорок долларов. Целое состояние.

– Другу, значит…

Айви зашагала к выходу, сжимая в руке «покупку». Сердце едва не выпрыгивало из груди. Хватит ли ей смелости спокойно уйти в надежде на былую дружбу с Романом или стоит все-таки положить бинокль на место и сделать вид, будто что-то в нем не устроило? Она встретилась взглядом с пожилым кассиром. «Пока не определилась». Но мужчина сразу все понял: слишком дорого.

В этот момент до ее плеча дотронулась рука с двумя скомканными двадцатками. Она обернулась.

– Что это?

– Деньги на подарок другу, – съязвил Роман.

– В долг?

Подобные вещи в семействе Линь были сродни рабству.

Он насупился:

– Возвращать не надо.

Айви не могла поверить своим глазам. В бережливости Роман уступал только ее матери: он шерстил даже собственный мусорный бак, ища просроченные полуфабрикаты, которые миссис Ру сочла несъедобными, и никогда не упускал из виду ни одной монеты, случайно оказавшейся на тротуаре.

– Ну так что? Берешь? – Роман помахал купюрами перед ее лицом. Она не могла сдвинуться с места. – Ну, если не хочешь…

Айви вырвала у него из рук деньги и передала их кассиру.

– Сегодня твой день, малышка. А может, у тебя каждый день такой? Кстати, сколько тебе лет? Моя внучка примерного того же возраста, но она только учится умножать.

Старая свинья, подумала Айви, уставившись в его крохотные как бисер глаза. Наверное, провел за этим прилавком всю молодость. Тебя закопают в этой же футболке и напишут на надгробной плите: здесь покоится везунчик по жизни.

– Что смешного? – спросил Роман.

Она широко улыбнулась.

– Не знала, что ты способен на такое.

Мэйфэн говорила, тигр никогда не даст кролику морковь по доброй воле, но когда кассир упаковывал бинокль, Айви вдруг поняла, что куда приятнее честно платить за чужую вещь, нежели красть ее. Бабушке попросту не хватало смелости преподать своей внучке такой урок.

Роман закатил глаза и буркнул, что должен работать. Но порозовевшие уши выдали его с головой: комплимент был засчитан.

Глава 3

Шэнь высадил Айви у дома Уны Ким, но как только машина исчезла на горизонте, она тут же отправилась к широкой тупиковой улице, где располагался роскошный особняк Спейеров, весь из стекла и камня. Все дорогу ее сопровождал звон цикад.

Дверь открыл сам Гидеон: бордовая футболка подчеркивает проявившиеся за месяц бицепсы, вместо прежней стрижки ёжиком – модная причёска с рваной чёлкой. В животе у Айви запорхали бабочки.

– С днем рождения! – тихо выдохнула она.

– Ты изменилась.

– В какую сторону? (Да! Да! Да!)

– Я просто никогда не видел тебя вне школы, – Гидеон улыбнулся. Один зуб у него слегка выпирал, поэтому улыбка казалась немного ехидной, хотя на деле он был очень приятным мальчиком. Протянутый Айви подарок он принял с заметным смущением. – Ты могла прийти просто так.

Айви густо, словно сыпью, залилась краской.

Гидеон сказал, что все собрались на цокольном этаже, и пригласил девочку внутрь. Он даже предложил взять ее рюкзак – такие манеры, и это в четырнадцать лет! Айви сняла туфли, но он все тем же смущенным тоном попросил: «Не разувайся». Она последовала за ним по коридору, освещенному светильниками в форме факелов. Под ногами похрустывал жесткий леопардовый ковер.

– А там что? – поинтересовалась Айви, ткнув пальцем в сторону одной из дверей. Она пыталась запомнить как можно больше деталей, чтобы позже, у себя в спальне, раз за разом снова прокручивать в голове полученные впечатления.

– Комната для занятий.

Заметив жгучее любопытство во взгляде Айви, он показал ей и комнату для занятий, и кухню, и две гостиные, в одной из которых висели тяжелые дедушкины часы, похожие на следящий за каждым их движением стеклянный глаз.

Жилище в Фокс Хилл Айви считала всего лишь местом для ночлега, которое не принадлежало ни ей самой, ни ее семье. Но Гидеон про свой дом явно думал иначе. Все комнаты, мебель, разные безделушки, купленные на летних или зимних каникулах, – все это было «моим» или «нашим». Он владел абсолютно всем. Это ясно слышалось в его голосе, размеренном темпе речи и четкой дикции. Когда на уроках литературы нужно было рассказывать стихи наизусть,

мистер Маркл, совмещавший обязанности преподавателя и главы клуба красноречия, рассыпался в похвалах насчет ораторских способностей Гидеона. Как-то тот поведал всему классу о своем секрете: раньше он страдал от заикания и целых десять лет ходил к логопеду. На это мистер Маркл заметил: «А что, лишним не бывает!» – и пока все смеялись, Айви вдруг осознала, что она потрясена до глубины души. Было трудно поверить, что Гидеону потребовалось затратить столько усилий на что-то такое простое, как речь. Примерно так же билась Нань, стараясь выучить английский по своему синему карманному словарику. Раньше Айви казалось, что Гидеону все дано от рождения. Интересно, а можно ли подобным образом освоить искусство владеть?

В фойе они встретили старшую сестру Гидеона, Сильвию, которая училась в выпускном классе. Она поднималась вверх по лестнице, держа в руках поднос с пинтой мороженого, стаканом кофе из «Старбакса» и стопкой непонятной желтоватой жидкости, в которой плавали кусочки льда.

– Где ты нашла ключ от шкафчика?

– У Теда на подставке для ручек. Угостить?

– Нет, спасибо.

Сильвия встретилась глазами с Айви. Та немедленно отвернулась и сделала вид, будто внимательно рассматривает фотографию, на которой брат с сестрой уютно свернулись на шезлонгах и смеялись, глядя на заходящее солнце.

– «Дуб Финна», – сказала Сильвия, увидев, куда смотрит девочка.

– Что это?

– Наш летний домик в Каттахассете.

Летний домик, мысленно пометила про себя Айви.

– Не бывала там?

– Нет, – ответила Айви, боясь поднять глаза на Сильвию: уж слишком та была красива.

– Гидди обычно зовет туда своих друзей.

Полунамек на то, что пригласить могут и ее, был брошен так небрежно, что у Айви сильнее забилось сердце и закружилась голова.

– Меня зовут Айви, – прошептала она.

– Какое оригинальное имя.

– Отец знает, что ты знаешь про подставку. Не забудь положить ключ на место, – предупредил Гидеон.

Сильвия закатила глаза:

– Да ладно тебе. У него самолет в шесть утра. Он даже не заметит.

Она бесшумно поплыла вверх по лестнице. Из-за черной выглаженной юбки она походила на служанку, разносящую напитки, но за ней длинным шлейфом тянулся приятный кисловатый аромат, напоминающий запах океана и лимонных деревьев.

Когда Айви спустилась за Гидеоном вниз, никто не подал вида, что знает ее, разве что пара ребят обменялась косыми взглядами и сдержанными улыбками. Хороший знак: если бы с ней начали носиться, это значило бы, что своей ей не стать. Гидеон показал ей угол, где лежали спальные мешки, и сказал, что можно оставить вещи прямо там. Том Кросс выхватил у него подарок: «Что это?» – и стал читать поздравительную открытку вялым, измученным голосом. «Надеюсь, в следующем году у нас будут общие занятия…» Том был кривляка с рыжевато-каштановыми кудрями и кучей веснушек по всему телу, которые издалека выглядели как густой слой загара; что бы он ни затеял, у него всегда находились слушатели. Закончив с открыткой, он бросил бинокль в кучу подушек.

– Кажется, у твоего отца уже есть такой?

– Да, но у меня-то нет.

– А где мой подарок? – повернулся Том к Айви.

– А когда у тебя день рождения?

– Ого, она разговаривает! – выпучил глаза Том.

В бешенство при виде Айви пришла только Уна Ким. Когда-то они были, можно сказать, подружками – две одинокие азиатки, только Айви потише и победнее, а Уна потолще и побогаче. Но летом после шестого класса Уна уехала в Корею и вернулась совершенно другим человеком: она сбросила семь килограммов, завила волосы, начала носить линзы и сделала себе новый нос. Оставалось только избавиться от Айви, гадкого утенка, который напоминал ей о прошлом, – и однажды Уна по секрету шепнула Лизе Джонсон, мол, Айви назвала ее «тупой коровой» (гнусная ложь), которая «не в состоянии произнести ни одного слова длиннее пяти букв» (а вот это правда). Однако больше всего Уну злило то, что Айви сама надумала двигаться дальше и даже нашла место, где будет обедать в гордом одиночестве (у фонтана, читая всякие загадочные книги). Впрочем, Уна не оставила ей шансов. Из этой ситуации Айви извлекла важный урок: нужно уметь правильно выбирать момент.

Лиза с близняшками Саттерфилд отделились от мальчиков и направились к новой гостье. Скрепя сердце следом пошла и Уна. Девочки сели в круг. Вайолет Саттерфилд предложила сделать Айви завивку; осмотревшись, та увидела, что у всех одноклассниц волосы подняты в причудливые прически, словно их ударило током. «Хорошо», – храбро согласилась она. У Вайолет сделалось такое лицо, словно она собиралась сжечь Айви волосы или побрить ее налысо. Чтобы скрыть волнение, девочка стала надувать пузыри из давно изжеванной резинки.

Вайолет принесла щипцы и рявкнула на Уну, чтобы та подвинулась. «Сама подвинься», – огрызнулась та, но просьбу выполнила: подавшись влево, она немного отодвинулась от остальных. Айви заметила, что Уна не носила лифчик: через тонкую ткань ее хлопкового платья просвечивали соски размером с четвертак. Хенри Фитцджеральд и Блейк Уитни решили проверить, не боится ли она щекотки, и, поочередно тыкая ее под ребра, таращились на ее прыгающую, словно два шарика с водой, пышную грудь.

– Как называется такая обезьяна… – вдруг проговорила Лиза, – у нее еще розовое лицо?

– Бабуин? – предположил Генри.

– Да, точно! Смотрите, Уна похожа на большого прыгающего бабуина.

С этим трудно было поспорить: от стыда у бледной обычно Уны стало ярко-розовое лицо. Айви поняла, почему Лиза и близняшки были с ней так милы: они решили наказать Уну за то, что у той была большая грудь. Девочка почувствовала, что ее переполняет надежда. Как гласит один из основных законов физики, систему невозможно изменить, но можно перенастроить.

* * *

Вымыв руки мятным мылом, Айви не спеша уложила волосы, поправила блузку и слегка похлопала по щекам, чтобы вызвать легкий румянец. От нечего делать она открыла зеркальный шкафчик и осмотрела его содержимое: жаропонижающее, ватные шарики, запасное жидкое мыло с отшелушивающим эффектом. В углу стоял полупустой пузырек французских духов. Его Айви распылила на шею и запястья. Еще дальше в шкафчике лежала пачка бинтов, а за ней скрывалась старая черная резинка, к которой пристало несколько переливавшихся золотом и серебром волосков. Айви натянула ее на запястье. «Привет, Гидеон», – прошептала она, пытаясь изобразить нежный взгляд Сильвии. После этого она закрыла дверцу и спустилась вниз.

В девять часов к ним заглянули родители Гидеона; они принесли с собой четыре коробки пиццы, свежее печенье с шоколадной крошкой и две большие упаковки мороженого. Если хочешь узнать все о человеке, достаточно посмотреть на его семью – и Айви вдруг как будто поняла гораздо больше о Гидеоне. Его мать оказалась моложавой женщиной в укороченных брюках цвета хаки и зеленой блузке без рукавов, обнажающей сияющие белые плечи, а отец – статным и идеально выбритым сенатором от Массачусетса, поименно знавшим всех друзей сына.

– Кажется, мы раньше не встречались, – обратился он к Айви, крепко пожав ей руку, и, увидев, с каким обожанием она на него смотрит, добавил, что она всегда

может рассчитывать на теплый прием.

Около часа ночи Гидеон приглушил свет и поставил фильм «Убийства в Хэкридже». Айви подождала, пока он выберет место, и быстро села рядом. В этот момент весь мир за пределами дивана словно бы перестал существовать. Айви волновали лишь его дыхание, небольшие перемены позы и поднятое к экрану мягко освещенное лицо. Во время особенно жестокой сцены она наигранно закрыла уши, специально задев его локоть. Он сказал «упс» и положил руку на спинку дивана. Если бы она откинулась назад, то почувствовала бы волосы у него на предплечье.

– Нравится кино? – спросила Айви шепотом и придвинулась так близко, что почувствовала запах попкорна у Гидеона изо рта.

– Немного предсказуемо, – прошептал он.

Фильм тянулся дальше: на экране сменялись темный лес, заброшенные сараи и ванная, из которой капала кровь. Лиза, Уна и близняшки с большим энтузиазмом хватались за мальчишек, стоило на экране появиться бензопиле. Айви не смела себе такого позволить, но постаралась незаметно наклониться поближе к Гидеону, и спустя некоторое время их колени соприкоснулись. Все тело охватила вспышка жара. Гидеон плотнее прижал к ней свою теплую и тяжелую ногу. Теперь они сидели бедро к бедру. Наконец-то! Сбылась мечта последних трех лет. Айви не отводила взгляд от экрана, чтобы не выдать свои чувства и не смутить именинника. Гидеон изредка подергивал ногой, но тут же снова прижимался к ней, будто напоминая о своем присутствии, – а она прижималась к нему, как бы давая знать, что все понимает. В таком положении они провели остаток фильма.

Поползли финальные титры. Покрасневшая Айви взглянула на Гидеона, думая о том, что следует ему сказать. От увиденного у нее упала челюсть. Гидеон откинулся на спинку дивана: глаза закрыты, рот слегка приоткрыт. Иными словами, он крепко спал.

* * *

Будучи тревожной по натуре, Нань спала очень чутко, а иногда и вовсе не могла уснуть. Больше всего ее занимали две вещи: деньги и здоровье семьи. По ночам ее мучили кошмары, будто дочь облизывает грязные палочки для еды, на которых полно микробов, наедается мороженого, от которого у нее начинает болеть живот, и дрожит от холода, лежа под тонюсеньким одеялом в продуваемом всеми ветрами доме. В будущем Айви с большим удивлением обнаружит, что бурная фантазия матери передалась и ей.

Нань проснулась с первым лучом солнца и разбудила мужа:

– Поезжай к той кореянке пораньше. Наверняка она даже не спала. Нельзя было ее пускать.

Она заставила мужа позвонить домой Кимам. Они взяли у них номер на школьном концерте в седьмом классе, думая купить своей дочери скрипку (чего так и не сделали). По мере продолжения разговора растерянное лицо Шэня постепенно приобрело взволнованный, а в конце и вовсе угрюмый вид. Повесив трубку, он рассказал жене, что Айви у корейской семьи не было. Уна отправилась на день рождения – возможно, вместе с ней пошла и их дочь.

– Она дала мне адрес мальчика.

– Мальчик? – Сердце Нань словно ушло в пятки. – Ох уж эта твоя чертова дочь! Вставай! Нужно ехать! Поднимайся, лентяй! Не дай бог с ней что-то случилось! А если уже слишком поздно?!

– Слишком поздно для чего?

* * *

Мистер Спейер едва успел зачерпнуть тесто для панкейков и вылить его на шипящую сковороду, как в дверь зазвонили. Айви сидела за столом, залитым солнечным светом, и слушала разговоры о местной бейсбольной команде. Когда Гидеон пригласил ее на ближайшую игру, ее лицо расплылось в такой широкой улыбке, что заболели щеки. Она сияла от радости всю ночь; наверное, даже спала с дурацкой улыбкой. Но не успела она ответить, на кухню вернулась Сильвия.

– Тут пришли какие-то люди и спрашивают свою дочь, – сказала она с сомнением в голосе.

Айви развернулась на стуле. Веселье кончилось.

Мистер Спейер был ошеломлен. Но любезность, отточенная годами, все же позволила ему, как и Гидеону, вежливо поздороваться. После этого он окинул взглядом все семейство – на пороге стояли и Нань, и Шэнь, и Мэйфэн, и Остин – и сдавленно произнес:

– Вы же все за Айви?

Девочка вскочила на ноги. Ее охватила паника. Она уже открыла рот и собиралась что-то сказать, но тут же одернула себя. Нельзя говорить на китайском при таком количестве свидетелей.

– Собирай вещи, – приказала Нань на своем родном диалекте, переводя взгляд с голых ног дочери на упавшую с ее плеча лямку пижамы и растрепанные волосы. Будто под гипнозом, Айви наблюдала, как ноздри матери раздувались при каждом вдохе. – Живо!

Ненадолго воцарилась тишина, но Остин робко сказал, что проголодался. Он не раз проделывал такое дома, чтобы защитить сестру от всеобщего гнева.

– Можно мне немного блинов? – уже громче спросил он. Мэйфэн сжала его руку. Мистер Спейер предложил всем подождать Айви в гостиной.

Собрав вещи, Айви вернулась на первый этаж, где случайно подслушала доносящийся с кухни разговор одноклассников: «Да у ее мамаши не все дома… как будто она наглоталась антидепрессантов… От бабушки несет луком… Я видела ее отца. Он работает у нас в школе. НЕТ! Да! Так она попала в наш класс… Тс-с! Психопатка…»

– Мне ее жаль, – вдруг послышался голос Гидеона.

– А, вот чего она везде таскается за тобой! Думает, ты втрескался в нее. Ты же такой ми-и-и-илый и кла-а-а-ассный… – разразился диким смехом Том.

Айви попятилась назад. Сердце едва ли не выпрыгивало из груди. В горле пересохло.

В гостиной было не лучше. Остин сидел на ковре по-турецки и с большим удовольствием, судя по порозовевшему лицу, уминал поданные мистером Спейером панкейки. Остальные члены семейства Линь разместились на кожаном диване светло-коричневого цвета, спины у всех прямые как тростинки. При виде Айви они тут же встали. Шэнь схватил дочь за предплечье и повел к входной двери.

– Остин, нам пора, – резко обратилась Нань к сыну.

– Но я еще не доел!

– Один… два… тр…

Остин ринулся к матери, вытирая хлынувшие слезы.

– Спасибо, что пришла, – Гидеон в нерешительности замер у двери.

– Пока, милая, – попрощался мистер Спейер. – Надеюсь, скоро увидимся.

Айви не могла взглянуть ни на отца, ни на сына. Ей казалось, будто происходящее вокруг – плод ее воображения, а на самом деле она сейчас лежит в ванне. Дорога до машины была такой утомительной и заторможенной, словно все и правда происходило под водой: вот синхронно включаются разбрызгиватели на газоне, вот равномерно переливается на солнце изумрудная трава, а в воздухе стоит сладкий аромат жимолости, который еще не один год будет преследовать ее во снах.

Как только они переступили порог дома и закрыли за собой входную дверь, Мэйфэн постаралась удержать Нань, рука которой устремилась к уху Айви. «Беги. Давай. Быстро!» Но это не особо помогло: Нань схватила из миски апельсин и бросила им в убегающую дочь. К своему несчастью, Айви в этот момент обернулась, и летящий фрукт попал ей прямо в лоб. По носу потекла холодная струя. Поначалу она подумала, что это кровь, но провела по коже пальцами и увидела на них полупрозрачную жидкость. Апельсин от удара

лопнул пополам.

* * *

– Сейчас я преподам тебе урок, – заявила Нань.

Айви собралась с духом. Мать быстро прошла мимо нее к их общей с Мэйфэн комнате, так что девочку обдало волной воздуха. Распахнулась дверь. Спустя мгновение Айви поняла, что происходит.

– Нет! Не надо!

Она встала перед матерью, отчаянно защищая свой комод, но та оттолкнула ее и, по очереди открывая ящики, принялась охапками выбрасывать из них одежду. В какой-то момент ей попался черный кассетный плеер с изношенными наушниками.

– Это ты ей купила? – развернувшись, спросила Нань у Мэйфэн.

– Да, – опустив голову, ответила сознающая свою причастность к происходящему Мэйфэн. И красть, и врать она умела хорошо.

Нань сунула руку в очередной ящик. Ее движения ускорились. Черные колготки. Рваные джинсовые шорты. Серебряные кольца. Пенал с наполовину использованной косметикой. Три просроченные библиотечные книги. Стопка кассет. Платье с узкими лямками, которые Айви рассчитывала когда-нибудь надеть на школьный бал; зацепившись за угол комода, оно полетело на пол, словно пронзенная стрелой птица.

– Всегда считала тебя прохиндейкой, – задыхалась Нань, – но я даже представить себе не могла столько вещей!

Она замолчала, видимо, от переизбытка чувств. Даже Шэнь, тихо вошедший в комнату, не осмелился пресечь мародерство, которое учинила его жена. Но когда дело дошло до дневника в кожаном переплете, Айви будто проснулась от гипноза, в который ее ввели тонкие, как у паука, пальцы матери, царапавшие обложку.

– Прекрати! Это личное!

Она подалась вперед в попытке выхватить дневник у Нань из рук, но осталась ни с чем, почувствовав лишь неприятное пощипывание под ногтями.

– Посмотри, что ты наделала! – закричал Шэнь, схватив дочь за плечо. – Нельзя. Перечить. Матери!

Сквозь застилавшую глаза пелену ярости Айви все же заметила неровную красную полоску на щеке матери. По форме она напоминала обвиняюще направленный на нее палец.

Нань быстро вышла из комнаты, но спустя пару секунд вернулась с огромным мусорным мешком. Айви заметила, с тревогой и облегчением одновременно, что дневник избежал участи остальных вещей. Нань принялась ходить по комнате, методично собирая с пола и кровати выброшенные из комода вещи.

– Нань? – настороженно обратился к ней муж.

– Хватит стоять истуканом. Лучше помоги мне. Отнеси этот мешок в мусорный контейнер. Возьми с собой Остина.

Шэнь так и поступил.

– Мальчики… трогали тебя прошлой ночью? – спросила Нань.

– Нет, – ответила Айви.

– Она еще ребенок, – вступилась Мэйфэн.

– Блудница – вот кто она.

– Это была обычная вечеринка! – запротестовала Айви.

– Не верю, что даже ты покупала ей весь этот мусор. Значит, она набрала все это сама. Хватит давать ей деньги. Я же говорила тебе так не делать.

– Она скоро перейдет в старшие классы. У нее же должны быть хоть какие-то средства. Так она научится правильно их тратить, повзрослеет, – ответила Мэйфэн.

– Повзрослеет? – рявкнула Нань. – Ты воспитала ничтожество. Она не задумывается о последствиях и постоянно нам лжет…

Айви зажмурилась и зажала уши, вызывая таким образом зевоту, которая заглушала пронзительный крик матери. Однако в таком состоянии трудно продержаться долгое время, и каждый раз, ослабляя усилия, она снова и снова слышала бумерангами носящиеся по комнате упреки:

– Шастает полуголая в доме этого американца! Перед его родителями! Она обожает их! А нас ненавидит!

Вытряхнув последний ящик, Нань вытерла слезы и ушла в гостиную. Однако последнее слово всегда оставалось за Мэйфэн, поэтому она крикнула дочери в спину:

– ТОЛЬКО СЕЙЧАС решила взяться за воспитание? Да ты слишком бедна, чтобы вырастить собственных детей! Посмотри на себя! Ты даже английский толком выучить не можешь! Позорище! На какие деньги? Неудивительно, что она не слушает тебя и потеряла всякое уважение…

– Я не сделала ничего такого, – прошептала Айви, оставшись одна.

И в самом деле, где она так сильно провинилась, чтобы заслужить подобное наказание? Ее вещи полетели в мусорный мешок, как и вся ее жизнь. Однажды Айви назвала Романа и его друзей жалкими нищебродами, но теперь сама превратилась в нищебродку. У нее ничего не осталось. Она была никем. А хотя…

Кое-что все-таки уцелело. Кое-что ценное.

* * *

Айви ощущала приближение неизбежного – краха. Ее охватило приятное чувство, какое человек обычно испытывает в ожидании большого вкусного ужина. Раньше она считала свою любовь к Гидеону совершенно тайной, но, как оказалось, Том все знал. Еще и сказал, что она «таскается» за ним по пятам. Разве так было? Неужели все это видели? А Гидеон сказал, что ему ее жаль… Выходит, он пригласил ее к себе из жалости? А ведь это куда хуже ненависти.

Айви прислонилась к стене. Голова все еще болела. Из гостиной доносилась ругань Мэйфэн и Нань, которые боролись за нее, словно два голодных льва, отстаивающих право полакомиться пойманной дичью. Эта какофония сопровождала ее всю жизнь. В какой-то момент воцарилась тишина, и мысли Айви тоже успокоились. Боль от пережитой несправедливости утихла, и ее место занял отчаянный план. Мир – несправедливая штука: наказания сыплются из ниоткуда, а грехи только поощряются. Главное – правильно выбрать момент.

Айви полезла в шкаф и достала старую бейсболку, которую посильнее натянула на лоб, чтобы скрыть синяк. Затем она вышла в гостиную и попросила разрешения сходить в библиотеку. Нань отчищала застывший на плите нагар, Мэйфэн сидела на стуле и вязала свитер. Воздух был настолько пропитан ядом недавней ссоры, что казалось, при желании можно было бы ощутить его вкус.

– Только вернись до обеда, – наказала Мёйфэн и перевела глаза на Нань в ожидании услышать возражение – но та даже не повела бровью.

Айви завязала шнурки. Тишина. Игра в молчанку. Что-то новенькое. Выйдя на улицу, она повернула направо и направилась к зданию, за которым заканчивался район Фокс Хилл. Пристанище семьи Ру было на первом этаже, окна располагались чуть выше уровня глаз. Жалюзи закрыты.

Протиснувшись между кустов, она постучала по запыленному окну. Никто не вышел. Пришлось постучать, еще раз, чуть громче. Наконец жалюзи открылись и показался сонный Роман в трусах в клеточку. На щеке у него отпечатался след от подушки. Он поднял окно и раздраженно спросил, что ей нужно.

Айви смотрела на него с отстраненным любопытством. Под глазами цвета морской пены видна пара глубоких шрамов, на щеке, в необычном месте, ямочка. Он заметил, что она его разглядывает. На смену проблеску удивления пришла сжавшая челюсть судорога. Он наконец понял намерения Айви, которые

вполне ясно читались на ее пылающем лице.

– Зайдешь или как? – он отошёл от окна.

* * *

Взобравшись на пыльный подоконник, Айви оглядела заваленную рисунками и карандашами комнату. Сесть было некуда, поэтому она спихнула на пол смятый кусок серой бумаги и повалилась на скрипучий матрац. От него пахло немытыми волосами или травой вперемешку с землей, будто Роман жил в лесу.

– Мама дома?

– У нее ночная смена. – Снова эта ухмылка. – А что?

Айви вздрогнула, вспомнив слова Нань: «Есть два типа людей, которые не спят по ночам: грабители и распущенные женщины». На мгновение ее охватило чувство жалости к Роману, но его быстро сменило отвращение. Чтобы избавиться от неприятного осадка, она сосредоточилась на том, что в нем было ей приятно: на глазах и гладкой коже рук.

– Мы с мамой поссорились. Они узнали о вечеринке и увезли меня оттуда при моих… – Она не смогла выговорить слово «друзья». – В общем, теперь меня все ненавидят.

– Мама не ненавидит тебя.

– Нет, не она. Все остальные. Те, кто был на дне рождения. Они такие вещи наговорили… Я…

Роман поднялся со своего стула, сел рядом с ней и осторожно приобнял за плечи:

– О господи. Мне так жаль. Но не стоит так расстраиваться, богатенькие оболтусы самые мерзопакостные в мире.

Айви уткнулась ему куда-то между плечом и грудью. Она не заплакала ни при одноклассниках, которые сплетничали об ее семье, ни при родителях, которые буквально вытащили ее из дома Гидеона, но с Романом все было иначе. Он был единственным человеком, к которому она могла прийти в такую минуту. От этой мысли у нее буквально началась истерика.

Он протянул ей бумажный платок. Она вытерла слезы и высморкалась. Он все еще обнимал ее за плечи. Она взглянула на него сквозь влажные ресницы. В центре радужка у Романа была серая, но вокруг расходились голубые пятнышки, напоминавшие рыбью чешую. Внезапно она сильнее прижалась к нему.

– Ой!

– Прости.

Она сняла бейсболку. Он прильнул к ней. Их губы встретились, но Роман не двигался с места. Смущение? Неприязнь? Айви уже была готова отстраниться, но спустя мгновение он взял ее за подбородок и поцеловал по-настоящему. Ими овладела дикая страсть: они кусали и облизывали друг друга, тяжело дыша; под носом у Романа даже появились капельки пота. Глаза у обоих были широко открыты. Айви удивила невыразимая нежность, с которой на нее смотрел Роман.

Они оторвались друг от друга, чтобы вдохнуть.

– Ты такая красивая.

Эти слова растопили сердце Айви. Такого чувства она еще никогда не испытывала.

– Скажи еще раз, – попросила она.

Роман опять приподнял ее подбородок, и снова… и снова… и снова… С каждым поцелуем к ней постепенно возвращалась уверенность. Наконец она решительно опустила руку и развязала шнурок на своих махровых шортах.

* * *

В мире Айви насчитывалось всего несколько более гнусных и аморальных (ее самое нелюбимое прилагательное) поступков, чем лишение девственности назло собственной матери. Но какой во всем этом смысл, если хранить это в тайне от пресловутой матери (да и всех остальных), словно охраняешь собственную жизнь? Она сама не могла себе этого объяснить. Это было глубоко личное.

Конечно, она бы предпочла, чтобы это был Гидеон, – да и любой встречный, честно говоря, подошел бы больше: все чисто, никто не стесняется, а потом произошедшее можно попросту вычеркнуть из памяти. Правда, в конечном счете все это оказалось не так важно. Она запомнила только сильное давление, будто Роман пытался протиснуться в отверстие, о наличии которого она даже не подозревала, ощущения от прикосновений его потного тела и резкую боль. На уроках биологии говорили, что в такие моменты у девочек может открыться кровотечение, но с Айви ничего подобного не случилось. Даже с невинностью не получилось нормально расстаться.

Спустя некоторое время Роман поинтересовался, занималась ли она этим раньше.

– Да, – солгала Айви.

– С кем?

– С одним парнем из школы, – ответила она и, прежде чем он успел что-либо спросить, добавила: – А ты?

– Ты у меня первая.

– Врешь.

– Я серьезно.

Он вытащил сигареты из письменного стола и закурил, стоя у окна.

– Можно мне одну?

Он молча протянул ей пачку. Айви поместила сигарету между указательным и средним пальцами, на отцовский манер, и сделала затяжку. Почти тут же комната поплыла и закружилась. Айви откинулась на мятые серые подушки.

– И все-таки, откуда у тебя этот синяк? Цвет нехороший, – заметил Роман.

– Наступила на швабру.

Их глаза встретились. Он явно все понял, и в этот момент она его ненавидела. Он отвел взгляд.

– Ты голодна? В холодильнике есть пара пирожков. И водка, можно смешать с соком. Тебе понравится.

В тоне Романа послышалось чересчур знакомое искусство владеть.

Да, когда таким голосом говорил Гидеон, за этим чувствовалось восхищение и гордость за каждый предмет, а Роман как будто бы говорил о чем-то грязном и незаслуженном. Хотя должно было быть наоборот: ведь Гидеон родился в богатой семье и не делал ничего ни для того, чтобы жить в роскошном доме, ни чтобы получить хорошее образование или десять лет ходить к логопеду. Роман же – мать работала проституткой, а отец то ли сидел в румынской тюрьме, то ли вовсе уже умер – подрабатывал в местном супермаркете. Гидеон не сделал ничего, чтобы заслужить расположение Айви, а Роман дал ей сорок долларов. Такова цена ее невинности. Сорок американских долларов.

Она сунула окурок в полупустую банку из-под газировки. Стремление разрушать уже прошло. На смену ему пришло сожаление.

– Ты куда?

– Домой.

– Зайдешь как-нибудь?

– Не знаю.

Она спрыгнула на улицу из окна, хотя вполне могла выйти через дверь.

Проскользнув домой, Айви увидела, что Мэйфэн обжаривает мясо. Квартиру наполнял аромат чеснока и зеленого лука.

– Как дела в библиотеке?

– Хорошо, – ответила Айви. Она задержалась в дверном проеме: проницательной бабушке хватило бы одного взгляда, чтобы понять, что ее прежняя внучка исчезла навсегда. Часть ее даже хотела, чтобы это произошло. Но Мэйфэн лишь попросила ее помыть руки и снять «эту странную бейсболку».

В конце коридора виднелась полоска света из-под двери. Из комнаты родителей доносился приглушенный разговор, но из-за шума вентилятора невозможно было разобрать, что именно они обсуждали. Айви направилась прямиком в ванную.

Она не торопясь рассмотрела свое отражение и заметила, что ей очень идут распухшие губы. Но через пару мгновений снова нахлынуло отвращение, и, чувствуя себя полным ничтожеством, она ударила по зеркалу – однако, увидев собственный незамутненный, решительный взгляд, тут же испытала изумление и восторг. Кожа покрылась мурашками: она зашла даже дальше, чем изначально задумала.

Выйдя из душа, Айви услышала из гостиной звуки бейсбольного матча: родители вышли из спальни. Она ушла к себе в комнату и закрыла дверь, но вскоре услышала голос Остина. Он спрашивал у Нань, не вернулась ли Айви.

– Оставь сестру в покое. Ей нездоровится.

– Но утром она выглядела хорошо.

– Она больна изнутри.

Айви выглянула из комнаты и поманила брата к себе, прижав указательный палец к губам.

– Можешь зайти в мамину комнату и кое-что там найти? Я не знаю, где это лежит, поэтому придется покопаться в ее вещах.

– А что тебе нужно?

Она описала свой дневник – кожаный переплет, небольшая золотая застежка.

– Ты как-то видел меня с ним, помнишь?

Остин сказал, что все понял, и ринулся в спальню родителей. Айви легла на кровать, но ждать пришлось недолго.

– Он лежал на тумбочке, – похвастался брат, вручая ей дневник. – Даже не пришлось возиться.

В знак признательности она нежно подергала его за мочку уха и попросила поскорей уйти, чтобы мать не заметила их вместе. Оставшись одна, она взглянула на дневник, который когда-то считала самым ценным своим приобретением. Теперь это был лишний груз.

Айви разрезала корешок и вытряхнула все страницы на ковер. Одну за другой она разрезала их на полоски и высыпала в огромную пластмассовую миску, в которой Мэйфэн каждый день грела ноги перед сном. Затем налила туда горячей воды. Гора бумаги расплылась в серую кашу, напоминающую пюре из несвежего картофеля.

Настало время перемен. Старшая школа – новое и важное место. В сентябре она поднимет воротник рубашки, заплетет французскую косу с накрахмаленной лентой и попытает счастья в команде поддержки или лакроссе. В сентябре она перестанет красть. И общаться с Романом – теперь это все постыдный балласт, за который, помимо прочего, нужно еще и ответственность нести. Она очистит свою память от этих неприятных моментов, закроется от прошлого и даст себе обещание никогда о нем не вспоминать. Позже, в старших классах и колледже, она будет беззаботно следовать своим желаниям и оказываться на задних сиденьях автомобилей, внутри закрытых горок на детских площадках и в разнообразных съемных комнатах; она будет бесшумно заниматься сексом в присутствии соседок, повернувшихся к забрызганным пивом стенам и делающих вид, будто они спят. Все это время она будет повторять одну и ту же ложь,

прямо противоположную тому, что когда-то сказала Роману: «Ты у меня первый. Я девственница, никогда этим не занималась». Ей будут верить: ведь она уже давно осознала, что правда не имеет никакого значения, – жить с этой мыслью было куда легче.

Отстоявшись, даже мутная вода становится прозрачной.

Часть 2

Глава 4

– Нам кажется, тебе стоит съездить к родственникам в Чунцин, – сказал Шэнь, когда вся семья собралась за обеденным столом.

Прошло четыре дня после дня рождения Гидеона. Синяк на лбу Айви приобрел бледно-зеленоватый оттенок, как у гниющего лайма. Заколов челку набок, она села напротив матери. Она никому не улыбалась и, кто бы с ней ни заговорил, смотрела собеседнику прямо в глаза и очень прямо держала спину. В каждом ее ответе сквозило чувство собственного достоинства; еду перед тем, как проглотить, она пережевывала по тридцать раз.

– Тетя Хон скучает по тебе, – продолжил отец, – и приглашает в гости. Отличная возможность вспомнить китайский и пообщаться с двоюродными братьями и сестрами. Моя кузина Суньжи хочет взять тебя в путешествие. Она очень образованна. Вы точно поладите. Можешь остаться там до конца летних каникул.

Айви успела сделать только двадцать три движения челюстями. На краю сознания замаячили первые панические мысли.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Самолет послезавтра, – вмешалась Нань.

– А я полечу? – спросил Остин.

– Нет.

– Так нечестно!

– Тебя-то не изгоняют, – заметила Айви.

– У нас нет столько денег, – ответила Нань.

Айви мало что помнила о Чунцине, но по бабушкиным рассказам представляла родину рассадником коммунистов и оплотом фермеров, грязных землянок и всеобщей травли. Когда они с Остином плохо себя вели, родители пугали их этим местом: «мы отправим тебя обратно в Китай», «ты и недели не продержишься с настоящими китайскими детьми».

Вечером накануне вылета Мэйфэн принесла внучке полотенце, вымоченное в горячей воде с сушеными травами. Это было ее универсальное средство от любых недугов – теплое полотенце на голову и грелку к ногам.

– Что с тобой? В последнее время ты сама на себя не похожа, – спросила она, укладывая полотенце Айви на лоб. Та продолжала молчать, хоть на мгновение и ощутила прилив необузданной радости: бабушка все-таки заметила, что что-то с ней было не так. – Хорошее лекарство не всегда приятно на вкус. Хватит разыгрывать драму. Мы не в театре. Я уже устала видеть твою кислую мину.

По телу Айви горячими волнами прокатилась боль.

– Знаешь, сколько денег на эту поездку потратили твои родители? Мама копила много лет и сама собиралась к тете, но решила, что тебе эта поездка будет куда полезней. Она тебя очень любит и готова сделать все ради твоего благополучия. Даже если это поначалу принесет боль и наполнит твою душу ненавистью. – Проследив за угрюмым взглядом внучки, устремленным на комод, где раньше лежала пачка дисков, Мэйфэн добавила: – Не стоило приносить сюда весь этот мусор.

– Это не мусор.

– Эти вещи попали к тебе нечестным путем.

– Это ты во всем виновата.

– Я старая глупая китаянка, которая вот-вот помрет. Чего мне терять? А вот ты – гражданка США.

Горячий пар от полотенца окутал ее рот, нос и веки. Айви вспомнила класс рисования, откуда открывался роскошный вид на осенний двор, украшенный тополями пшеничного цвета. В тишине можно было услышать едва уловимый всплеск от четвертака, падающего на дно фонтана у статуи святого Марка, которая тянулась к холодному синему небу.

Мэйфэн вздохнула; от этого под ней заскрипела кровать. Затем принялась говорить. Айви подумала, что это очередная ностальгическая тирада о Китае, поножовщинах в тени мокрых аллей, голоде, аппетитной яичнице на Новый год и нищете, – и отчасти она не ошиблась. Однако эту историю бабушка еще никогда никому не рассказывала. Это была тайна, которую она хранила вот уже тридцать лет.

* * *

Сорок четыре года назад Нань Мяо родилась в деревне Синь Чан, расположенной в горной котловине провинции Сычуань, через которую протекало три реки, пересекающихся друг с другом у устья Янцзы. Это была цветущая и плодородная долина с долгим жарким летом и влажной, умеренной зимой. Дожди начинали лить в июне и заканчивались лишь весной следующего года – а затем всю местность окутывала живописная дымка, идеально подходящая для акварельных пейзажей, которые на своих полотнах пытались воссоздать многие художники. Из-за держащейся весь год высокой влажности и рациона из горных овощей, сваренных в чанах с кипящим маслом чили, кожа местных жителей приобретала глянцево-жемчужный оттенок, – ни сухости, ни малейшего прыщика. Молва о сычуанских девушках мгновенно разлетелась по всему Китаю, и люди окрестили их «ла мей нюй», что в переводе с китайского значит «жаркие красотки».

Сильнее всего среди всех деревенских красавиц выделялась Нань. Она родилась в самый разгар июльских дождей, став второй из четырех дочерей в семье. Однако когда акушерка впервые взяла ее в руки, Мэйфэн сморщилась от разочарования: младенец перед ней был костлявым и желтокожим. Хуже того, это была девочка. Мэйфэн с Инь решили назвать ее Нань, то есть «мужчина», чтобы в будущем она смогла обеспечить их так, как это сделал бы сын.

Инь разводил свиней и кур на крохотном участке земли, Мэйфэн работала продавщицей за жалкие гроши. Они владели небольшим ларьком на колесах (обычная стеклянная будка), в котором торговали сигаретами, газетами, жвачкой и прочей мелочовкой. Спустя неделю после рождения дочери Мэйфэн положила Нань в соломенную корзину, которую привязала к спине, и вернулась на работу. Никто даже подумать не мог, что внутри лежал ребенок.

В течение нескольких лет у Мэйфэн родилось еще двое детей, обе – девочки, и они с Инем перестали надеяться на появление сына; и четырех детей прокормить было сложно. Семья жила за счет собственных посевов, на выручку от продажи овощей и небольшую зарплату Мэйфэн; они покупали только то, что не могли вырастить. Но не хватало и этого. Дети постоянно болели. Лекарства и посещения врача опустошали семейный бюджет, скромно ютившийся под прогнувшимися кроватными ламелями. Нань бросила школу ради работы на ферме вместе с отцом, а ее старшая сестра устроилась на кроличью бойню. Две младшие девочки были еще слишком малы. Деньги и еда, еда и деньги – таков был жизненный догмат семейства Мяо.

Впервые Шэнь Линь увидел Нань, когда она продавала овощи, держа корзину на сгибе локтя. Две густые черные косы свисали до самого пояса. Ему было тринадцать, а ей пятнадцать, но, по его словам, он уже тогда понял, что она станет его женой.

Разумеется, Нань даже не обратила внимание на низкорослого тощего поклонника со смуглой кожей. Он, скорее, смахивал на ребенка. Как и все деревенские девушки, она была без ума от Аньмина Ву.

Его родители работали учителями, но известность их семье принес дедушка, преуспевающий портной, к которому девушки со всего Сычуаня сбегались ради ципао и прочих праздничных нарядов. В отличие от остальных мальчишек в тусклых серах костюмах Аньмин всегда одевался по последнему слову моды, согласно шанхайским трендам. Помимо этого, он отличался в учебе и спорте:

произносил речь на выпускном, являлся президентом класса и даже поставил рекорд в беге на четыреста метров.

В выпускном классе Аньмин прошел пробы в школьный спектакль и получил главную роль: он должен был сыграть скромного фермера, влюбившегося в лунную богиню в исполнении Нань. Аньмин, разумеется, уже слышал о ее красоте, но когда он как следует ее рассмотрел – густые ресницы, белая как лепестки цветов кожа и легкий румянец, – то понял, что должен быть с ней. За время репетиций они влюбились друг в друга так же чисто и светло, как и их персонажи. Хотя романы между учениками строго порицались, Аньмин все равно ухаживал за Нань, и все считали их отличной парой.

Все, кроме Мэйфэн.

Начался 1967 год; к власти вернулся Мао Цзэдун. Семейство Ву, благодаря нескольким поколениям талантливых дельцов располагавшее значительными накоплениями, явно относилось к буржуазии. Мэйфэн прекрасно понимала, что рано или поздно хунвейбины придут за Аньмином, его братьями, сестрами и остальными родственниками и вышвырнут их из дома, заставив трудиться до самой смерти. О деньгах, собственности и титулах можно было позабыть. Ни красота, ни таланты не спасли бы Аньмина от того, что он носил фамилию Ву. Мэйфэн ни за что не позволила бы дочери связать судьбу с таким человеком.

Она запретила Нань ходить на репетиции (ничем не примечательная дублерша с родинкой в виде звездочки на подбородке вскоре станет знаменитой на всю страну актрисой) и видеться с Аньмином. Чтобы план сработал, она даже решила отправить дочь к тете в соседнюю деревню Нэйцзян. Мэйфэн выбросила все вещи, найденные под кроватью Нань: любовные письма, шпильки и красный матерчатый мешочек с кусочками гибискуса. Она нанесла визит семье Аньмина, где устроила настоящий скандал и приказала матери юноши держать своего сына-бездельника подальше от ее дочери. На крик сбежалась вся деревня. Матери Аньмина ничего не оставалось: она была слишком благопристойна.

Нань так и не удалось попрощаться с любимым. Она переехала в Нэйцзян с плетеной сумкой, в которой лежали две хлопковые рубашки и пара брюк темно-синего цвета, – это была вся ее одежда. Тетя с матерью договорились своевременно изымать любые письма, не давая им даже упасть на порог дома семейства Ву. В следующем месяце Аньмин отправился в Чунцин: он был первым жителем деревни, поступившим в колледж. Правда, к учебе приступить ему не

удалось. Не успел он распаковать вещи в общежитии, как хунвейбины схватили его и отправили в трудовой лагерь; на следующий год он скончался там, забитый до смерти парнем, у которого украл пайку батата.

Услышав эту новость, Нань упала в обморок. Оказавшись в Нэйцзяне, она стойко переносила все трудности, в глубине души надеясь, что после колледжа Аньмин вернется в деревню. За то время, что они репетировали спектакль, он пообещал жениться на ней, сказал, что не полюбит никого другого. Они и правда любили друг друга как фермер и лунная богиня, – даже небеса не смогли бы их разлучить.

Но Аньмин умер. Любовь Нань не успела созреть: ее сердце будто застыло на месте, пораженное, полное чувства вины. Она боялась, что он так и не узнал, почему ей пришлось уехать. Ее мать могла придумать что угодно, лишь бы убедить юношу, что Нань уже остыла к нему или того хуже – была обещана другому.

Увидев, что Нань стала буквально таять на глазах, тетя решила немедленно отправить ее обратно к матери. Мэйфэн хватило одного взгляда на дочь, чтобы пройти двадцать километров до храма Улин на горе Цзиньфушань, по соседству с которым в деревянной хижине жила старая пророчица. Она принимала пожертвования от стекавшихся со всей страны паломников, которые желали изменить свое будущее. Мэйфэн попросила ее разорвать связь между Аньмином и Нань – согласно китайскому поверью, даже после смерти красная нить судьбы способна удерживать две родственные души. Она принесла с собой газетную вырезку с новостью о поступлении Аньмина в колледж Чунцина. Взглянув на выцветший черно-белый снимок, провидица сообщила именно то, чего опасалась обеспокоенная мать: связь между влюбленными еще не ослабла. Но затем она успокоила гостью, сказав, что разорвет нить раз и навсегда – всего за пять юаней. Мэйфэн послушно достала деньги из потайного кармашка в нижнем белье.

Провидица провела обряд разрыва – привязала нить к двум камням, один из которых символизировал Аньмина, а другой Нань, и несколько раз пронесла конструкцию над горящими свечами, пока нить не порвалась. Вся процедура заняла не больше двух минут: божества действовали быстро и решительно. Только после того, как Мэйфэн увидела, что от красной нити к бесцветному небу потянулись крошечные струйки дыма, она поверила, что ее дочери больше ничего не угрожает. Домой она вернулась бодрой и энергичной. Оставалось

только ждать.

Шли годы. Инь скончался во сне от пневмонии: ничем не примечательная смерть, как и вся его жизнь. Мэйфэн пришлось в одиночку воспитывать четырех дочерей, вместе с этим взяв на себя всю работу по дому и хозяйству. В пятьдесят три года она по-прежнему взваливала на плечи тяжелый мешок, с которым шла три километра от рисового поля до дома, – это была работа для женщины вполовину младше нее. «Ты точно доживешь до ста лет, – говорили окружающие, восхищаясь ее образом жизни, – ты ведь так легка на подъем».

Однако от взгляда людей ускользали те бессонные ночи, когда Мэйфэн, нервно ворочаясь в кровати, с ужасом думала о судьбе своей второй дочери. Из-за обморока от анемии и истощения Нань не смогла сдать вступительный экзамен в колледж и устроилась на швейную фабрику. Она жила с матерью, помогая ей с остальными детьми, но по ней явно было видно, насколько она несчастна. У нее не было ни друзей, ни женихов; любые предложения руки и сердца напрочь отвергались, а все выходные она проводила у горящей свечи, штопая дырки на старой одежде. Былая красота постепенно увядала: под глазами у девушки образовались темные мешки, худоба стала настолько болезненной, что косточки на запястьях начали походить на острые валуны. Мэйфэн проклинала старую каргу-провидицу, которая наживалась на надеждах бедных людей, и поклялась вернуться на гору Цзиньфушань, чтобы сорвать зло на «этой шарлатанке». Она даже спланировала поход – с той же настойчивостью, с которой бралась за любые дела: отряхнула пыль с ботинок, собрала еды в дорогу и достала трость. Но буквально на следующий день – стояло раннее зимнее утро с ледяным дождем и шквалом завывающего ветра – на пороге ее дома оказался молодой человек.

– Я пришел, чтобы попросить благословение на брак с вашей дочерью, – сказал он, будто они были старыми знакомыми.

– Пин? – удивленно спросила Мэйфэн. Она подумала, что речь идет о третьей дочери, которая постоянно крутилась вокруг мужчин вдвое старше ее самой.

– Нет, Нань.

Шэнь Линь так и не забыл девушку с корзинкой и двумя косами до пояса. Когда она переехала к тете в Нэйцзян, он изредка видел, как она шла по улице с

опущенной головой; на лице у нее была написана совершенно не вязавшаяся с такой красотой грусть. Шэнь следил за ней и тосковал, хотя по окрестностям и ползли слухи о том, что девушке разбили сердце в родной деревне. Шэню было все равно, что когда-то ее сердце принадлежало другому; куда важнее было то, что происходило сейчас, – а сейчас Нань для него была самой желанной женщиной, ради которой он был готов свернуть горы.

Природа не наделила род Линь очарованием, которым отличалось семейство Ву, однако не поскупилась на смекалку и трезвость ума, приправленные долей решительности и азарта. Любой член этой семьи мог внезапно выкинуть что-нибудь эдакое, а после как ни в чем не бывало вернуться к повседневному кропотливому труду. Шэнь никогда не рисковал и не говорил лишнего, но в тот момент поставил на кон все свое будущее, чтобы добиться той, о которой так долго мечтал.

К большому сожалению родителей, считавших, что их сын поступит в крупный университет на медика (тогда в Китае это была одна из немногих престижных, но в то же время «безопасных» профессий), Шэнь окончил местный колледж, получив двойную степень по английскому языку и физике. На последнем курсе он практически без единой ошибки сдал международный языковой экзамен и подал заявку на поступление в магистратуру США. Он никого не знал в Америке и, похоже, был единственным из местных, кто решил попытать счастья за границей, но был уверен: чтобы завоевать гордое и закрытое сердце Нань, нужно быть идеальным во всем.

Получив письмо о зачислении в Саффолкский университет в штате Массачусетс, он вооружился студенческой визой и в то судьбоносное зимнее утро появился на пороге дома Мэйфэн, прося у нее благословения.

Поначалу она ощутила такой прилив облегчения, что ее рука задрожала на деревянной раме. На мгновение она ощутила себя ужасной матерью: ведь это значило, что у нее отнимут ее дочь. Ее бедную непреклонную Нань.

– Я ни за кого не пойду замуж, – вдруг послышался тихий голос из глубины дома.

Мэйфэн и Шэнь обернулись. Словно призрак, сзади в пижаме стояла бледная Нань с мокрыми после душа волосами. В глазах у нее читалось такое горе, что у Мэйфэн сжалось сердце; это чувство, догадалась она, будет преследовать ее до

конца жизни.

– Уходи! – рыкнула она Шэню и захлопнула дверь, проклиная себя за мимолетную попытку поверить в невозможное.

Но спустя несколько дней он дождался, когда Нань уйдет на работу, и снова появился на пороге их дома.

– Я уезжаю в Америку, – спокойно, без высокомерия сказал он, – и хочу взять с собой Нань. Взамен я помогу устроиться вашим дочерям, если они закончат колледж и захотят переехать в Штаты.

Сердце Мэйфэн забилось в грудной клетке, словно оказавшаяся в ловушке птица. Америка! Страна свободы! Страна бесконечых запасов еды и воды, электричества и огромных домов по двадцать комнат. Она даже представить себе не могла, что когда-нибудь ее дочери смогут оказаться в таком месте. Любой город за пределами Сычуаня для них был так же маловообразим, как рай.

– Зачем тебе это все? – требовательно спросила она. – Думаешь, Нань так легко добиться? Это единственная приличная девушка во всей округе. Она не выйдет за первого встречного. К твоему сведению, я не позволю какому-то прохвосту без гроша в кармане забрать у меня дочь.

– Я люблю ее, – невозмутимо ответил Шэнь. – И всегда знал, что она будет моей женой.

Мэйфэн принялась внимательно рассматривать юношу, пытаясь найти хоть намек на уловку, на которую любят идти мальчишки, пытающиеся подать собственные похоть и страсть под соусом любви и ответственности – но увидела лишь честного мужчину, порой грубоватого, но совершенно искреннего.

– Нань никогда не выйдет за тебя, – сказала она, чтобы проверить его стойкость. – Никто не стоит даже ее мизинца. Она ни за что не полюбит такого бедного уродца.

– В такоем случае вам придется поговорить с ней.

– Я ничего не могу поделать.

Мэйфэн приготовилась снова хлопнуть дверью, пусть руки у нее и тряслись от желания пригласить его внутрь.

– Думаю, у вас получится. – настаивал на своем Шэнь, не сводя с нее пристального взгляда.

У Мэйфэн на глазах выступили слезы.

– Она ненавидит меня, – пробормотала она, сама до конца не понимая, почему ей захотелось излить душу этому незнакомцу с высоким морщинистым лбом и носом картошкой. Но что ей делать как матери? В деревне перспектив никаких. Старшая дочь вышла замуж и уехала в Чунцин вместе с мужем-пьянчугой, падким на азартные игры. Две младшие дочери неплохо учились в старших классах и мечтали поступить в колледж, на который Мэйфэн постоянно откладывала деньги, одновременно подыскивая хорошее местечко для их трудоустройства. Только Нань застряла где-то посередине между прошлым и будущим и не могла двинуться ни вперед, ни назад.

Она закрыла глаза.

– Будь с ней добр. Она заслуживает хоть какого-то счастья.

– Непременно, – пообещал Шэнь. – Спасибо вам.

Ставка сыграла. Твердой рукой вытащив пачку сигарет, он предложил Мэйфэн закурить. Она сделала глубокую затяжку. Так они достигли окончательной договоренности.

* * *

– Вскоре после той встречи твои родители поженились, – завершила свой рассказ Мэйфэн.

– Я думала, мама никогда не выйдет замуж. Она же так и сказала. Почему она передумала? – заупрямилась Айви.

Мэйфэн махнула рукой.

– Образумилась и поняла, что твой отец – достойный человек. Они зачали тебя еще в Китае. Потом скопили денег и перевезли тебя к себе в Массачусетс. Сейчас тетя Пин вместе с семьей живет в Пенсильвании – и все благодаря твоим родителям. Даже я успела повидать Америку на своем веку. Я тебе всегда говорила: один успешный брак способен прокормить целых три поколения.

Даже такая трагическая любовная история в передаче Мэйфэн сводилась до нужды в еде и деньгах.

Вскоре Мэйфэн захрапела. Айви еще долго лежала без сна, представляя себе Аньмина Ву, красивого аристократа со светскими манерами, избитого до смерти за кражу тарелки со сладким картофелем. Был ли более отталкивающий способ умереть?

Впервые в жизни она ощутила дрожь при мысли о своем будущем. Разве ее мать не была живым доказательством того, что первая любовь вовсе не всегда бывает легкомысленной и мимолетной, а ее потеря способна уничтожить тебя до основания и заставить сердиться на собственного мужа и детей только за то, что они не стали той семьей, о которой она мечтала? Возможно, и самой Айви была уготована та же судьба. С другой стороны, она переспала с Романом и не капли не сожалела об этом. Значило ли это, что она оказалась сильнее своей матери, которая в такой ситуации скорее наложила бы на себя руки? Значило ли это, что она потеряла всякий стыд и могла вытворить что угодно? Бабушка сказала, что Нань была непреклонна, словно хрупкое деревце, которое повалилось при первом же порыве ветра, но Айви скорее походила на мельницу: она умела любить и была готова терять, но никогда бы не вышла замуж за Шэня Линя с морщинистым лбом и носом картошкой. Жизненный догмат Мэйфэн был ей не по душе. Любовь должна жить сама по себе, а не ради грин-карты для твоей сестры и матери.

Глава 5

Айви в нос ударил сырой запах пота, масла и вареной капусты, всего за пару секунд так въевшийся в одежду и волосы так что, когда она собрала волосы в хвост, ей показалось, будто эту вонь источает ее собственное тело. Суньжи Чжао должна была встретить ее в зоне выдачи багажа. Правда, Айви поняла, что понятия не имеет, как выглядит двоюродная сестра отца. Толпа состояла исключительно из мельтешащих перед стойкой с перевязанными чемоданами черноволосых людей, и Айви просто физически перестала их различать. Она взглянула на шеренгу тучных вспотевших мужчин в черных костюмах, держащих белые таблички с именами прилетевших, и попыталась найти надпись со своим китайским именем: Линь Цзиюань.

– Айви! – вдруг послышался чей-то голос.

Она обернулась. К ней приближалась высокая женщина в белом поло, таких же брюках и босоножках с завязками. На довольно длинном носу у нее были водружены огромные солнцезащитные очки с белой оправой, украшенной блестками.

– Как ты выросла! – воскликнула она на идеальном английском, растянув ярко-красные губы, накрашенные в форме клубники. Волосы женщины были аккуратно уложены волнами, как у звезд старого Голливуда, фотографиями которых украшали дверцы школьных шкафчиков близняшки и Лиза Джонсон.

– Как вы меня узнали?

– Шэнь прислал фотографию. И вообще – взгляни на себя. Даже продавщица сразу поймет, что ты не из местных. Держи ухо востро: тебя запросто могут надуть. – Суньжи сняла очки, и ее глаза сузились как два полумесяца. – Ты пошла не в Шэня. Какие большие глаза! Похожа на свою мать в молодости.

Она предложила перейти на «ты», поинтересовалась полетом и здоровьем семьи и извинилась за невыносимую жару. Они подошли к стоянке, где их уже ждал парковщик, пригнавший серый «мерседес» с плавными изгибами кузова: с похожими машинками любил играть Остин. Мужчина вручил Суньжи ключи, пробормотав что-то про импортные автомобили, на что она любезно ответила: «Германия».

Суньжи водила быстро и нетерпеливо, как мужчина: положив ухоженные руки на руль, обтянутый кожей цвета спелого грейпфрута, она умело протискивалась между рядами пыльных машин и скутеров, на некоторых из них умещалось по четыре человека. Она поставила кассету с фольклорной музыкой и сказала, что еще в студенчестве купила ее у какого-то уличного музыканта в Дублине. Под оживленные звуки скрипки и флейт Айви принялась представлять румяных деревенских девушек в накрахмаленных клетчатых платьях и узких коричневых ботиночках, – странное дополнение к дороге, над которой висит дымка от проезжающих мимо старых автобусов с почерневшими от сажи окнами, похожими на испачканные тушью женские щеки.

– Ой! Чуть не забыла, у меня для тебя подарок. – Суньжи взяла с заднего сиденья праздничный пакет и вручила его Айви. Он был очень похож на тот, который она подарила Гидеону. Внутри лежала бархатистая розовая коробка, на ощупь напоминавшая кожицу персика. – Это японские шоколадки, мои дети их обожают. Попробуй штучку. Если понравится, купим еще в Гонконге, на континенте их почему-то нет.

Айви открыла коробку. Каждая шоколадка была аккуратно обернута розовой фольгой. Она откусила от одной из них: даже начинка была нежно-розовая. В седьмом классе Гидеон принес на День святого Валентина две дюжины домашних кексов с клубникой и кремом, которые испекла его мама. В центре у них был трюфель из темного шоколада, теплый и слегка расплавившийся. У подарка тети был похожий вкус – вкус богатства.

Суньжи жила в квартале за высоким забором, который охраняли двое темнокожих мужчин в камуфляжной форме, отполированных коричневых ботинках и зеленых армейских беретах. Входные ворота закрылись, отрезав их от городского смога. Мощеные дорожки и терракотовые дома окутывала полная тишина.

Муж Суньжи встретил их на пороге и крепко пожал Айви руку. Это был коренастый веселый мужчина с двойным подбородком и жидкими волосами, начесанными на лоб. Следом за ним вышли двое детей – четырех и двух лет, с пухлыми ногами, как у отца, и прищуренными глазками, как у матери. Девочка тут же спряталась за мамой, а мальчик стал бегать вокруг, размахивая во все стороны пластмассовой саблей. Под удар попали диван, стол, стулья и даже растения: от последнего удара беспомощно, словно подстреленный лебедь, свесилась через край вазы высокая орхидея. Айви вздрогнула от страха,

представив, как на это отреагируют родители. Но Суньжи только наградила сына хмурым взглядом и позвала аи[3 - Няня (кит.).], пожилую женщину примерно одного возраста с Мэйфэн, которая только что вынесла с кухни тарелки с вареной лапшой. Та поставила еду на стол и тут же забрала детей на второй этаж.

– Наш Лэй Лэй такой непоседа, – сказала Суньжи. – Замучил последних трех нянек, хотя одной из них только недавно исполнилось сорок.

– Ну, ну, – мягко ответил дядя Ван. – Не стоит так говорить о нашем малыше.

Суньжи пригласила всех к столу. К лапше подавались специи: черный уксус, соевый соус, измельченный чеснок, порезанный зеленый лук, кусочки имбиря, масло с красным перцем, арахисовый соус, кунжутное масло и бежевый порошок, который дядя Ван назвал глутаматом натрия. Пока они ели, Суньжи подробно расписала их двухнедельное путешествие: они совершат исторической тур по Запретному городу и Великой Китайской стене, а затем отдохнут в Шанхае. Там они пообедают в знаменитом ресторане Старого города, где подают изысканную утку, послушают джаз на Хэншань-стрит и насладятся живописным видом с набережной. В конце поездки их ждет поход по в крупнейшим торговым центрам Гонконга, где можно найти лучшую европейскую одежду и японскую косметику.

– Каким кремом ты пользуешься? – спросила Суньжи.

– Честно говоря, никаким, – застенчиво ответила Айви, почесав пересохшее пятнышко на щеке.

От удивления Суньжи выпучила глаза и стала похожа на русскую матрешку.

– Но ты должна! Красота любой девушки кроется в ее коже. – Она принялась перечислять список косметики, которая подошла бы Айви. – Начнем с основ, а после перейдем на более продвинутый уровень. Тебе нравится делать макияж?

Она еще спрашивает! Неужели это и так непонятно?

– Обожаю!

Наконец у нее появилась собственная крестная-фея.

* * *

Будучи главой корейско-китайской инвестиционной компании, дядя Ван предпочел остаться в Чунцине: ему нужно было организовать турнир по гольфу для своих иностранных партнеров. Айви поблагодарила тетю за то, что та взяла ради нее отпуск, но Суньжи лишь рассмеялась (казалось, что она смеется в ответ на любую фразу) и сказала, что она ушла с работы, когда родился Лэй Лэй. В путешествие с ними отправилась аи: она должна была кормить и развлекать детей Суньжи, пока они с Айви бродили по улицам Пекина, прихлебывая овечий йогурт из стеклянных бутылочек, или заселялись в очередной пятизвездочный отель с богатой историей. Всю поездку Айви делала вид, будто отдыхает с матерью, а ее отец, крупный бизнесмен, остался дома и управляет собственной компанией. «Ну, ну, – шептала она себе, расчесывая челку перед трюмо. – Не стоит так говорить о нашей малышке Айви». Она просияла от удовольствия, услышав, как консьерж похвалил Суньжи за миленькую дочь.

Тетя всегда с особой вежливостью относилась к обслуживающему персоналу, говоря им «пожалуйста» и «спасибо», хотя обычные китайцы избегали таких формальностей. Несмотря на внешнюю безмятежность, Суньжи обладала способностью продемонстрировать чувство собственного достоинства, так что каждый работник от обычного официанта до разносчика багажа вертелся вокруг нее и старался всячески угодить. Однажды по дороге в храм Таньчжэ водитель такси, услышав, как они с Айви говорят по-английски, задрал двойной тариф и наотрез отказался стоять в пробке за меньшие деньги. «Тогда высадите нас на обочине», – сказала Суньжи. Водитель не послушался и забормотал что-то про обман. «Я серьезно. Остановитесь!» Они двигались по двойному шоссе на Втором пекинском кольце. Машины вокруг неслись на скорости под сто километров в час, нервно сигналя уворачивавшимся от них мотоциклам.

Водитель молча продолжил движение. Во-первых, он не мог никуда свернуть; во-вторых, не хотел остаться без гроша за проделанную дорогу. Когда они доехали до храма и Суньжи вручила ему деньги, он лишь пристыженно вздохнул и не посмел поднять на них взгляд. «Будьте осторожны», – только и крикнул он им вслед, словно дальний родственник.

Эта сцена произвела на Айви сильное впечатление. Если бы не Суньжи, все могло бы закончиться вымогательством или перепалкой до самого обеда. Но тете хватило всего пары фраз, чтобы успокоить водителя. Интересно, почему отец никогда не рассказывал ей о Суньжи и Ване, которые не переставали его нахваливать? Наверное, потому что, в отличие от Нань, он был хорошо воспитан и не привык открыто хвастаться богатыми родственниками. От этой мысли Шэнь тут же вырос в глазах Айви, хоть и на самую малость.

* * *

Ох уж этот шопинг! Переступив порог громадного торгового центра, Айви почувствовала легкое головокружение: вокруг носились изящные домохозяйки, щеголеватые клерки, бизнесмены в идеально выглаженных костюмах и пышно завитые пожилые дамы в пастельных туфлях. На мягко освещенных витринах модных бутиков, из которых доносился резкий запах одеколона, красовались манекены в черных юбках, телесных чулках и острых шпильках. Едва услышав в одном из таких магазинов вежливое «Я могу вам чем-нибудь помочь, мисс?» продавца, Айви покрылась краской и еле выдавила ответ, словно бы стараясь извиниться за свое пребывание в таком шикарном месте. После чего она забилась в угол, надеясь, что к ней больше никто не подойдет.

– Давай примерим это и это… Какая красота… На тебе слишком бледные цвета. Нужно что-нибудь поярче, чтобы взбодриться… Хочется сделать тебя веселой и энергичной… – Суньжи осмотрелась. – Где ты?

Айви взяла белое платье из плотного хлопка и направилась в примерочную. Надев туфли, она посмотрелась в зеркало – и едва себя узнала. Нежный овал лица с ярко выделявшимися темно-коричневыми бровями обрамляли вьющиеся волосы, кожа буквально светилась – за последнюю неделю она перепробовала кучу питательных кремов. У платья была необычная жесткая драпировка, благодаря чему она казалась более женственной.

Она посмотрела на ценник и почувствовала, как от отчаяния задрожал подбородок.

– Тебе не кажется, что оно меня старит? – в шутку спросила Айви у Суньжи.

Четыре тысячи юаней от матери, выданные ей на летние каникулы, едва покрывали стоимость одних только туфель.

– Вовсе нет! – в один голос защебетали тетя с продавщицей. – Ты похожа на благородного лебедя! Или танцовщицу! Такой оттенок белого впору только красавицам с идеальной кожей.

– Мы берем все, – добавила Суньжи, вытащив кредитную карту из дизайнерского кошелька с изображением Микки Мауса.

Девочка хотела было возразить, но тетя в очередной раз издала свой фирменный глубокий смешок и только махнула рукой.

Поначалу Айви, держа в уме бабушкины наставления (бесплатный сыр бывает только в мышеловке), ощущала себя вечной должницей, пользовавшейся щедростью тети. Почуяв неладное, та в любой момент могла бы сменить милость на гнев, сочтя племянницу неблагодарной нахлебницей. Но по мере того, как сменяли друг друга дни, состоявшие из дегустаций изысканных блюд, частных экскурсий, нескончаемой вереницы торговых центров и беспрестанного мелькания кошелька с Микки-Маусом, то и дело выныривавшего из сумочки благодетельницы, терзавшее Айви чувство смутного беспокойства начало стремительно таять. Хотя блеск золотой кредитки, которая вновь и вновь появлялась для оплаты очередной покупки, по-прежнему вгонял ее в краску, она уже не пыталась сделать вид, что собирается расплатиться за все своими жалкими четырьмя тысячами, – они так и остались нетронутыми, – и поубавила энтузиазма по части горячих благодарностей, боясь показаться лицемерной или и того хуже – жалкой.

– Ты – часть семьи, – однажды сказала ей тетя после очередного через силу выдавленного «спасибо». – Когда ты еще прилетишь в Китай? Да и зачем зарабатывать деньги, если не можешь их тратить?

С этим трудно было поспорить. Она тратила на Айви столько же, сколько на одежду двум детям, мужу и самой себе. Подарков не получала только аи. Первое время Айви жалела женщину, которая день и ночь возилась с кричащими детьми в надежде их успокоить. Троица неотступно следовала всюду, куда бы ни направились две путешественницы в бежевых брюках и белоснежных кроссовках. Но однажды вечером в Гонконге Айви заметила, что Суньжи вручила

аи конверт с «бонусом» за поездку, и пришла к выводу, что не за все приходится платить деньгами. Она подумала: «Лучше носить сбережения на себе, чем в кошельке».

Как-то раз Айви на глаза попалась пара отличных синих кроссовок из замши, которые пришлись бы кстати Остину. Словно прочитав ее мысли, Суньжи вызвалась помочь с сувенирами для всей ее родни. Она сказала, что и так собиралась купить им подарки, но подумала, что Айви лучше знает вкусы родственников. Они набрали кашемировых свитеров, летних пижам и кожаных перчаток с меховой отделкой для Нань и Мэйфэн и игрушек на батарейках и конфет для Остина; для Шэня же, которого Суньжи любила как родного брата, она выбрала караоке-систему, поскольку «в молодости он обожал петь». Айви очень нравилось выбирать подарки для семьи, возможно, даже куда больше, чем для себя. Она перестала стесняться учтивых продавцов. Суньжи словно бы поделилась с ней своей уверенностью, будто Айви была казначеем и должна была научиться распределять средства королевы. Теперь в магазинах она принималась высокомерно раздавать приказы, думая, будто наконец научилась искусству владеть, и лишь слегка покраснела, когда вечером накануне отъезда попросила у тети запасной чемодан, чтобы уложить туда все покупки. Распробовав вкус красивой жизни, Айви подумала, что у них с Суньжи много общего: у них оказались одинаковые вкусы, мнения и ожидания. Даже несмотря на то, что она не могла приписать себе тетину щедрость, они действительно как будто бы были похожи как две капли воды.

* * *

Жарким августовским вечером тетя отвезла Айви в противоположную часть Чунцина, переполненную обветшалыми серо-коричневыми домами, на цементных балконах которых громоздились заменявшие стиральные машинки пластмассовые тазы. Навстречу им вышла тетя Хун, постаревшая копия Нань, одетая в цветочную блузку и клетчатые брюки.

– Спасибо, что привезла Цзиюань, – поблагодарила она, кланяясь Суньжи. – Надеюсь, ты не сильно с ней мучилась. Нань говорит, у нее слабый желудок. Она всегда была проблемным ребенком… Боюсь представить, сколько тебе пришлось вытерпеть за это время…

Привыкнув за две недели к «нормальному» мандаринскому наречию, Айви вздрагивала от каждого слова тети Хун.

Залихватски помахав им рукой и выдав очередной смешок, Суньжи села в серый «мерседес» и уехала прочь. Крестная-фея вернулась в свое волшебное царство, оставив Айви наедине с суровой реальностью.

Новый район вызывал только отвращение: старики харкали прямо на тротуар, мальчишки мочились во дворах, везде стоял запах гниющего мяса, с каждого угла доносились крики и ругань; здесь совершенно обыденными считались кулачные бои, поножовщина и драки между женщинами, яростно пытающимися вырвать друг у друга клок волос на потеху собравшимся зевакам. Утром Айви просыпалась от шума, которым сопровождалось открытие местных магазинов, где продавали свежее мясо, фрукты и овощи, сушеные травы и орехи. Вся эта какофония продолжалась до позднего вечера, когда лавки наконец закрывались и люди расходились по домам, – но в это время работу начинали развлекательные киоски с пиратскими фильмами, хлопковыми пижамами, пластиковыми тапочками, дешевыми игрушечными фонариками. Таков был Китай Мэйфэн, ради побега из которого она заплатила собственной дочерью.

Старшей дочери тети Хун Иньинь оставалось примерно пара лет до третьего десятка. Она была помолвлена с мужчиной среднего возраста, владевшим автомастерской. Младшую дочь звали Ван Янь Цзю, но все называли ее Жожо. Она была старше Айви всего на девять месяцев, но ласково называла свою американскую родственницу «мэймэй»[4 - Младшая сестра (кит.).]. Жожо была невысокой и коренастой; она носила широкие спортивные шорты и узкие яркие футболки и коротко стригла волосы. Глаза у них с Айви были очень похожи, – с одинаковыми густыми ресницами. Жожо всегда говорила что думала и поэтому частенько попадала в передряги. Давным-давно Нань рассказывала о ее похождениях – как та провалила все экзамены, прогуливала уроки, была исключена из школы за драку с одноклассницей, курила, выпивала, а в девять лет даже набила на бицепсе бесплатную татуировку с изображением одного китайского актера. По словам Нань, Жожо никогда не слушала мать и постоянно получала от нее за дурной характер; такие истории обычно заканчивались фразой: «Бедная Жожо, трудно расти без отца». Это не ее вина, говорили все вокруг, девочке просто не хватило твердой отцовской руки.

Первые дни у Хун Айви вела себя тихо, почти не реагируя на еду и развлечения, которыми тетя с двоюродной сестрой пытались ее занять. Ее кожа стала

тускнеть. Тетя Хун и Жожо целыми днями сидели за обеденным столом, накрытым полиэтиленовой скатертью с липкими масляными пятнами, смотрели телевизор, смеялись с набитым ртом и причмокивали. Айви отчаянно думала, как она вообще оказалась связана с этими людьми. По ночам она прижималась к стене, чтобы новая пижама, на которой еще сохранялся сладкий аромат торгового центра, не терлась о свернувшуюся рядом Жожо. Айви предстояло провести у тети Хун три недели, и она считала каждый день до возвращения домой. Совершенно переосмыслив свою жизнь после встречи с Суньжи, она предвкушала, как одноклассницы примутся оборачиваться на ее новую сумку с серебряными ручками и остроносые светло-коричневые лоферы на небольшом деревянном каблучке, визуально увеличивающем длину ног, – в них она ничуть не будет уступать ножкам Вайолет и Никки Саттерфилд. Близкое знакомствоо с роскошью, пусть даже и вторичной, оставило в ее душе неизгладимый след; даже начиная забывать интерьер дома и салон машины богатой тети, Айви все еще помнила крутящихся вокруг нее продавщиц, их преисполненные уважением и почтением лица – и саму себя, не боящуюся потерять то, что у нее было невозможно отнять.

Постепенно жизнь у тети Хун стала легче – в основном потому, что родственники постоянно хвалили Айви за светлую, словно яичная скорлупа, кожу, стройную и красивую фигуру, безупречные аристократические цичжи[5 - Манеры (кит.).] и трепетное отношение к книгам. «Когда в последний раз ты что-нибудь читала?» – с укором спрашивала тетя Хун свою дочь. Наконец, Айви была американкой, а в Китае к человеку с таким гражданством относились чуть ли не как к члену королевской семьи. Она очень гордилась своим заграничным воспитанием и, общаясь с соседями, по просьбе тети с удовольствием переходила на английский.

Поначалу Айви относилась к этим дифирамбам с недоверием, горделиво показывая равнодушие ко мнению этих куда меньше значивших для нее людей, однако их комплименты только подтверждали ее веру в собственную уникальность: да, она любила литературу и у нее были большие ослепительные глаза. Постепенно ее сердце растаяло и она наградила их в ответ, окрестив семейство тети Хун честным, благоразумным и скромным.

Комплименты ей делали не только родственники. «У вас самые красивые глаза на свете», – прошептал ей охранник в очереди на колесо обозрения; кассир в скромном кафе сказал, что она может расплатиться за лапшу своей резинкой для волос; «агент по талантам» пригласил ее сняться в рекламе

парикмахерской, увидев, как она танцует на игровом автомате, – а когда она плавала на лодке по озеру Чаньшоу, мальчишки с соседнего суденышка хором кричали ей:

– Мэй нюй! Сюда! Садись к нам!

В переводе с китайского это обращение означало «красавица».

Среди шестерых парней из лодки Айви приглянулся мускулистый Улин. Он мало говорил, но в его темных глазах читался ум – и что-то еще, привлекательное, но едва уловимое. Он не был похож на Гидеона, который мгновенно запал ей в душу.

Жожо положила глаз на Кая, тощего, щекастого мальчика с пухлой нижней губой, похожего на бурундучка. Она заигрывала с ним на местный манер: потешалась над одеждой, называла бедняком и грязнулей, неспособным связать даже двух слов. Внезапно, ко всеобщему удивлению, он предложил встречаться Айви. Он даже сказал ей, что они с ребятами предварительно все обсудили и пришли к выводу, что именно Кай должен подойти к ней первым: ведь он любит ее больше всех. Айви подумала, что так и должны вести себя коммунисты: даже для того, чтобы пригласить куда-то девушку, нужно получить разрешение от группы.

Жожо тихо хихикнула, хотя взгляд у нее стал грустным.

– Вы идеально подходите друг другу! – заявила она, чтобы рассеять сомнения подруги, и сжала их руки.

Айви испытывала к мальчику столько же симпатии, сколько чувствовала бы к случайному листку, но боялась потерять связь с остальной компанией и Улином.

– Можно попробовать, – сказала она.

Кай расплылся в широкой улыбке. Вопрос был решен, и Айви вместе с Жожо и мальчиками отправились на прогулку вокруг озера.

– Возьмитесь за руки, – предложила Жожо, когда небо озарила луна.

Одарив ее благодарным взглядом, Кай последовал совету и взял Айви за руку. Они переплели пальцы. К горлу подступил ком отвращения, но, взглянув на истосковавшегося юнца, Айви постаралась подавить неприязнь.

– Хочу тебе кое-что показать, – вдруг сказал Кай, когда они дошли до середины озера, и повел ее в сторону.

Они отошли на несколько метров, чтобы остальные не могли их видеть. Через пару мгновений Кай вдруг остановился и без всякого предупреждения подался вперед и страстно поцеловал Айви в губы.

Это было совсем не похоже на поцелуй с Романом. Она уже практически полностью стерла этот эпизод из своей памяти; он лишь иногда смутно всплывал в ее снах. У Кая же изо рта разило чесноком и зеленым луком, так что Айви пришлось постараться, чтобы не вырваться у него из объятий. Видимо, такова была цена за то, чтобы иметь парня.

Через неделю Кай признался ей в любви. День выдался промозглый; они лежали в постели на чердаке дома у одного паренька из компании. Помещение было сырое и затхлое, похожее на конюшню.

«Во ай ни[6 - Я люблю тебя (кит.).]», – прошептал он, глядя на нее как застенчивый кролик. Жожо растаяла бы от одного такого взгляда, но у Айви он вызвал лишь легкую приязнь. Она повторила эти слова, но ничего не почувствовала, кроме укола отчаяния: она не могла понять, почему ожидания от того, что тебя наконец любят, оказались вовсе не похожими на реальность. Дело в Кае, решила она. Просто они не подходят друг другу. Она представила Улина, отчужденного наблюдателя, который за все время не сказал ей и дюжины слов, но от одной мысли о нем покрылась таким количеством мурашек, которое у нее не вызвал ни один из поцелуев Кая.

Вечером перед отъездом Айви она, Жожо, Кай и Улин отправились к Янцзы, чтобы покидать «блинчики» под мост Дуншуймэнь. Закатав штаны, Жожо пошла в воду. Легкие волны от лодок бились о ее лодыжки, но она продолжала двигаться вперед и через несколько мгновений погрузилась в реку по колени. Оставшиеся на берегу ребята принялись кричать, чтобы она вернулась обратно:

– Это слишком опасно!

– Уже стемнело, не видно глубину!

Но Жожо не слушала их. Грустно склонив голову, она продолжала идти вперед.

Айви закричала на Кая:

– Давай за ней! У нее разбито сердце! Из-за тебя!

– Что я могу сделать?

– Вперед! Хочешь, чтобы она утонула?

Кай тихо ругнулся себе под нос и, сняв ботинки, побежал за Жожо. Айви увидела, что он схватил ее за руку, но девушка игриво оттолкнула его. Со стороны казалось, будто они танцуют.

Тем временем Айви повернулась к Улину. Она твердо стояла на песке, выпрямив спину, как настоящая бунтарка.

Он заговорил первым:

– У тебя есть парень в Америке?

– Нет.

– Не верю. Девчонки вроде тебя обычно избалованы.

Он одной рукой смял пивную банку и бросил ее в кусты. Темные глаза уставились прямо на нее.

Они слились в поцелуе, спрятавшись в тени листьев баньяна. Его длинные грубые пальцы скользили по ее затылку, а ее рука жадно проскользнула ему под рубашку. Мышцы у него на животе перекатывались словно речные волны. Страсть можно пробудить только там, где она под строгим запретом, вдруг подумала Айви. Наверное, именно поэтому она лишь единожды стала невольным свидетелем подобной сцены, происходившей между матерью Романа и отцом

Эрнесто; именно поэтому Нань и Мэйфэн старались оградить свою девочку от плохих мальчишек с грязными мыслями; именно поэтому ночевка у Гидеона вызвала такой скандал.

Вернувшись тем же вечером к тете Хун и еще чувствуя на губах требовательные губы Улина, а на щеках остались липкие следы от прощальных слез Кая, Айви достала из заднего кармана шорт четыре тысячи юаней и отдала всю пачку Жожо.

– Я люблю тебя, мэймэй! – завизжала та от радости. – Никто еще обо мне так не заботился!

Она заплакала.

Закончив паковать вещи, Айви отправилась в ванную посмотреться в зеркало. Она была готова. По крайней мере, ей самой так казалось. Жизнь в Америке, из которой она выпала на пять недель, неслась обратно с такой скоростью, что все происходящее у тети Хун стало казаться ей дурным сном, – и эта стальная решетка на окне в ванную, и горячий пар на стекле, и доносившийся с улицы голос мужчины, пришедшего заложить семейную драгоценность. Сердце рвалось из груди; она прижала ладонь к глазам. Теперь все будет по-другому, утешала она себя. Лето закончилось. Она переспала с одним, целовалась с другим, а в любви призналась третьему, хоть и не имела серьезных планов ни на одного из них. В ее сердце все еще, все еще царил образ светловолосого юноши в темно-синем пиджаке; несмотря на то, что он стоял к ней спиной, все ее сбивчивые мысли и желания все еще были устремлены именно к нему.

В дверь постучалась тетя Хун:

– Мама звонит.

Айви вышла в гостиную и взяла трубку.

– Папа приедет в аэропорт чуть позже, – без прелюдий начала Нань. – Машина задерживается и прибудет примерно в то же время, что и твой самолет.

– Какая машина?

– Тетя Хун ничего не сказала?

– Не сказала что?

– Мы переехали в Нью-Джерси.

Глава 6

Отправив дочь к тете, Нань и Шэнь наконец взяли ссуду на покупку старого двухэтажного дома в Кларксвилле, штат Нью-Джерси. Айви была в ужасе. Жизнь снова вышла из-под контроля. Она больше никогда не увидится с Гидеоном! Всю первую неделю после возвращения она проплакала, но вскоре на смену горю пришло отвращение. Родители продолжали расхваливать новый дом, но Айви он внушал только омерзение. Мебель могла в любой момент отъехать к стене, распухшие от влажности оконные рамы потеряли форму, стекла запачканы, кафель на кухне и в туалете покрыт желтым налетом и остатками известняка. Предыдущие жители, пара из Польши, поставили цену ниже рыночной, но они выращивали кур на заднем дворе, – так что каждый раз, когда Мэйфэн просила открыть окна, чтобы проветрить помещение, внутрь проникала вонь ссохшихся испражнений и земли. В тарелках постоянно оказывалась куча куриных перьев. Такова была вершина мечтаний Нань и Шэня – обычный курятник! Однако у переезда были и небольшие плюсы: так, Айви с Остином впервые обзавелись собственными комнатами, а Мэйфэн стала спать в переделанной гостиной на первом этаже.

Выбор Нань пал на Кларксвилл, поскольку там проживало много китайцев. Тетя Пин недавно отправила Фэйфэя и Туна в воскресную китайскую школу и говорила сестре, что никогда не видела своих детей такими послушными; по ее мнению, это передалось им от одноклассников. Пин добавляла, что не стоило отдавать Айви в ту религиозную школу с избалованными американцами. Нань чувствовала, что Пин права: ее дочери следовало больше общаться с соотечественниками, которые с трепетом относились к домашним заданиям и семейным обязанностям. «Любая мать знает свою дочь, – говорила Нань мужу. – Она слишком ведомая. Если она собирается быть врачом, пусть лучше общается с китайскими детьми. Они покажут ей, что такое усердно учиться».

В этом смысле Кларксвилл идеально подходил под запросы Нань. В первый же день в школе Айви увидела перед собой море темных волос. В отличие от Грува, где она всеми силами пыталась влиться в общий коллектив, здесь было принято передвигаться группками; местные ребята были одержимы оценками, программами углубленного изучения и домашней работой, сулящей дополнительные баллы. В рюкзаках у каждого из них лежала куча учебников и идеально организованный пенал. Айви все это совершенно не интересовало. Ее дважды дружелюбно приглашали пообедать вместе, но она заметила, что у всех ребят одинаковые пластиковые контейнеры – с холодным рисом, мясом, сельдереем (ло-мейн с креветками), обычными вареными яйцами или сладкой рисовой кашей. Ее собственный рацион от этого отличался не сильно. От этого она повесила голову, отчаянно надеясь, что никто не посчитает, что они с одноклассниками действительно похожи. Со временем она замкнулась в себе и лишь беглым взглядом окидывала игроков в лакросс и их девушек, смеющихся в холле за музыкальными аудиториями; было страшно, что они глумятся именно над ней.

Через неделю Айви подружилась с Сарой Уилсон, единственной белой девочкой в классе химии. Ее брат Бретт был запасным в команде по лакроссу.

Ко Дню благодарения, когда они с Бреттом дурачились в одной из музыкальных аудиторий, она вдруг поняла, почему это место считалось лучшим в школе: здесь можно было закрыться изнутри и выключить свет. Никто даже не догадается, что за крохотной стеклянной панелью кто-то прячется. А еще стены не пропускали ни единого писка.

К Рождеству она перестала мечтать о том, чтобы стать девушкой игрока в лакросс. Айви захотелось обзавестись образованным и воспитанным парнем, который владел бы французским, имел опыт жизни в Европе и любил читать поэзию – а еще лучше, любил бы ее писать или, по крайней мере, сочинять песни; он должен был бы уметь видеть красоту даже в самых потаенных местах и показать ей какой-нибудь способ смотреть на мир под другим углом.

Весной Айви увлеклась одним худеньким, ранимым мальчиком из драматического кружка. Он знал наизусть целые монологи из «Гамлета» и мог всего одним пальцем достать до тех уголков ее тела, о существовании которых она даже не подозревала. Вскоре стало ясно, что дурачиться в помещении кружка, откуда она выходила со следами от грубой веревки, оставлявшей на коже яркие красные полосы, было куда приятнее, чем в звуконепроницаемом

коконе музыкального класса. С этим мальчиком они любили выходить на улицу через боковые двери и курить одну сигарету на двоих, глядя на ярко-синее небо. В такие моменты он без умолку трепался о своей давней девушке, первокурснице техасского колледжа, а она пальцем гладила его по колену там, где протерлись джинсы.

Тем временем Сара Уилсон попросила учителя найти другую напарницу для лабораторных по химии. Айви мигом поняла, что все это время ее подруга в одиночку писала отчеты, рисовала диаграммы и читала вслух пошаговые инструкции из непонятного учебника. За год по химии Айви получила тройку с плюсом. С алгеброй дела обстояли еще хуже.

Нань была вне себя от гнева. Даже Мэйфэн в этот раз не стала защищать внучку, лицемерно заявив:

– Мама переживает за твое образование.

В доме стояла ругань, во все стороны летели угрозы. Айви постоянно ходила в библиотеку за новыми учебниками и послушно выполняла большую часть приказов: ей самой не приносили особого удовольствия плохие оценки. Она безнадежно пыталась стать умной, как тетя Суньжи, но чувствовала себя на дне, словно Жожо. Нань заставляла дочь работать еще усерднее, но Айви считала, что и так прилагает достаточно усилий, – или, по крайней мере, ей так казалось. Однажды она даже решила высказаться об этом вслух, о чем тотчас пожалела. Ноздри Нань вздулись от негодования:

– Да ты даже не знаешь, что такое настоящий труд! Вы, американцы, такие избалованные! И ленивые! Думаете, что можете прожить здесь целую вечность! – кричала она на весь дом.

– Я ненавижу это место, – вдруг сказал Остин, кусая жареную ветчину. – Оно воняет туалетом.

– Какой же ты глупый! – рявкнула мать. – Ты и дня не проживешь без родителей. У тебя оценки еще хуже, чем у сестры. Если ты не поступишь в колледж, то после нашей с отцом смерти будешь побираться на улицах.

Такова, по мнению Нань и Шэня, была участь детей, если они завалят учебу.

В первый день летних каникул Нань ввалилась в комнату дочери в половину восьмого.

– Фэфэй помогает тете Пин платить по счетам с семи лет. – Она бросила на прикроватную тумбочку толстую пачку бумаг. – Прочти все это. Бабушка была права. Тебе нужно дать больше домашних обязанностей. Теперь ты будешь следить за нашим бюджетом.

Айви уже привыкла к подобного рода пассивно-агрессивным выходкам, но все же разозлилась и специально открывала каждый конверт по несколько минут. Внутри лежали банковские выписки, счета за телефон, газ, электричество и страховку автомобиля: куча цифр и долларовых знаков.

– И не забудь про эти. – Нань ткнула пальцем на разноцветные купоны, лежавшие на самом дне пачки. – Найди фильтр для холодильника. Теперь ты будешь ходить за продуктами вместе со мной. Посмотришь, сколько уходит на еду в этой семье. Вот это, – она вытащила из середины толстый квадратный конверт, – это зарплата твоего отца. Она приходит дважды в месяц. Можешь записывать все сюда.

Нань вручила ей чековую книжку в прозрачной обложке с крошечным пластмассовым калькулятором, прикрепленным к корешку:

– Начинай.

Но Айви даже не притронулась к калькулятору. Уж слишком поганый у него был вид, словно у дешевой игрушки, от которой отказался бы даже Остин. Числа на резиновых кнопках совсем стерлись: шестерка походила на ноль, а четверки и вовсе не было видно.

– Не так просто взять на себя ответственность за что-то, – добавила Нань, чуть успокоившись. – Математика важна во всех сферах жизни, не только в школе.

Она искоса взглянула на Айви, но затем отвела глаза.

Это было худшее лето в жизни. Айви приходилось помогать матери в китайском супермаркете, банке, на автозаправке и почте. Она вела еженедельный отчет о

покупках в мясной лавке, обзванивала телефонных операторов, жалуясь на лишний доллар в выставленном счете, просила о возврате средств в отделе по работе с клиентами и переводила негодующие сообщения Нань, придавая им вежливую форму вопросов. Каждый вечер под чутким руководством матери Айви считала вырученные за сутки деньги и записывала их в книгу доходов и расходов. По субботним утрам она оплачивала счета, пришедшие за неделю. Нань трижды проверяла все написанное, тыкая пальцем в каждую цифру и букву, будто они, учуяв свободу, могли запросто слинять в другое место.

Вдоволь нахлебавшись нравоучений, Айви решила раз и навсегда подтянуть оценки. Она стала учиться больше, чем в прошлом году, но все же не так, как надеялась Нань. Она часами болтала по телефону с парнем, а матери говорила, будто общается с одноклассницами. Та не знала ни о Бретте Уилсоне, ни о юнце из драмкружка, ни о зеленоглазом президенте класса, – вообще ни о ком. Она лишь видела, как дочка, сидя весь день в комнате, читает (как ей казалось) учебники и делает (как ей казалось) домашнюю работу, исписывая страницу за страницей. Айви быстро заметила, что Нань понятия не имеет, как следить за ее успеваемостью. Мэйфэн же теперь жила на другом этаже, поэтому попросту не могла за ней следить. Шэнь попал под сокращение в страховой компании и теперь весь день проводил в библиотеке, ища работу через газеты, а в перерывах играл в го по интернету. Нань с момента переезда так и не нашла нового места. Мэйфэн даже перестала ходить с Остином в «Макдоналдс», какие бы истерики он ни закатывал, жалуясь на отсутствие друзей и проклиная новую школу и местных хулиганов: окрестив его жиртрестом, они выбросили его велосипед в контейнер с помоями.

– На колесе погнулись спицы, под покрышкой гнилые остатки бананов. Можно мне новый велосипед, пожалуйста? – умолял Остин за обедом.

– Нет, – ответила Нань.

– Но почему?

– Папа потерял работу.

– Отца Фредди Абернати тоже уволили, но он нашел другую работу уже через неделю.

Шэнь повернулся к сыну и ударил его по лицу тыльной стороной руки.

– Папа!

– Дай мальчику поесть, – попросила Мэйфэн.

У Остина дрожал подбородок. Он нервно пихал в рот одну ложку риса за другой.

– Посмотрите на него! Тоже мне, китаец! Даже не знает, как пользоваться палочками! – хрипло закричал Шэнь.

* * *

Айви до конца жизни запомнит ту ужасную весну в десятом классе: родители, почернев от злости, постоянно ругались, Нань выключала свет в восемь часов, а Мэйфэн наполняла водой пузырьки из-под жидкого мыла и шампуня, а вся их еда состояла из лапши, оладий и жареного риса – и лишь иногда на столе появлялись мясо, свежие овощи и мороженое (она не знала, что оно ей нравитстя, пока семья не перестала его покупать). Однажды вечером, придя домой, она торжественно объявила, что устроилась упаковщицей в местный продуктовый супермаркет. Она надеялась услышать слова поддержки: какая у нас тин хуа девочка! Но Шэнь набросился на жену:

– Как ты посмела заставить наших детей работать? Давно ты стала такой… такой… – от переизбытка чувств ему не хватало слов, – такой скупой?

– Я сама не знала об этом! – крикнула Нань в ответ. К острым уголкам глаз у нее подступили слезы. Она повернулась к Айви и бросила: – Если хоть разу увижу тебя в этом вонючем гадюшнике, а не в библиотеке, сломаю тебе ноги!

Мэйфэн нашла работу через знакомых пожилых китаянок, с которыми ходила на растяжку в парке, и стала аи в одной тайваньской семье, недавно переехавшей в Кларксвилл. Она приходила к ним еще до рассвета и готовила горячий завтрак из рисовой каши конджи, тушеного мяса и вареных яиц. Пока мальчики, шести и десяти лет, учились в школе, она протирала пыль, мыла полы и пылесосила каждый уголок четырехкомнатного дома, а в четыре часа бралась за ужин. Если члены семьи жаловались на слишком острую и жирную еду, в следующий раз

Мэйфэн делала пищу чуть более пресноватой, пытаясь подстроиться под их нежные вкусовые рецепторы, – а если и это не помогало, то добавляла в блюдо смесь из тростникового сахара и кетчупа. Шэнь приезжал за ней в семь вечера. К тому времени она настолько уставала, что даже не могла преодолеть четыре ступеньки крыльца без посторонней помощи.

Хотя теперь Айви лишь изредка проводила время с бабушкой, она все же отчетливо ощущала ее отсутствие. Мэйфэн не любила тайваньских мальчишек, очень похожих на детей Суньжи: они только и делали, что оскорбляли пожилую женщину, которая могла лишь попросить их замолчать или попытаться уладить конфликт порцией сладостей. Бремя домашних забот упало на плечи Айви. Нань занималась готовкой. Ее кулинарные способности были куда хуже бабушкиных, но даже Остин боялся говорить об этом вслух. Перемыв посуду, Айви любила закрыться у себя в комнате и закурить, широко распахнув окно, чтобы перебить запах табака вонью куриного помета. Через тонюсенькие стены спальни доносились бесконечные споры родителей, на добрую половину состоящие из зловещих банковских терминов. Нань даже не пыталась «научить» дочь подобным словам: слишком плохи были дела. Айви снова взялась за воровство, но без былого энтузиазма. Раньше оно было способом получить все самое лучшее благодаря находчивости и самоуверенности – качествам, которые в ней воспитала бабушка. Но теперь оказалось, что эти качества зародились в ней из-за нищеты. Мэйфэн обладала ими, но стала всего лишь аи. А Айви была внучкой аи.

Она стала мечтать о богатстве и представлять огромные шкафы размером со спальню, золотые кредитные карты, гору туфель до потолка, длинные, элегантные мундштуки, драгоценные камни на каждом пальце, жемчужные бусы, трижды обвивающие шею, и роскошные столы, ломящиеся от разных блюд. Она страстно желала стать утонченной леди с несметными богатствами, чтобы при виде нее окружающие думали: «Настоящая состоятельная дама, эта Айви Линь. Наверное, за всю жизнь она не держала в руках ничего тяжелее ручки». Говорят, самообладание – ресурс ограниченный, и, по всей видимости, у Айви оно закончилось к шестнадцати годам. Она так устала себя сдерживать, что перестала отказывать даже в чашке кофе.

* * *

Весна подошла к концу. Шэнь так и не устроился на работу, однако Нань нашла новый способ заработка: скупать на барахолке домашнюю утварь и продавать ее по интернету. Эту идею ей подкинула одна из старых знакомых с прошлой работы. Она рассказала, что ее племянник отправлял подделки дизайнерских сумок из Хунаня и зарабатывал в пять раз больше; она же решила заняться продажей драгоценностей и антиквариата. Можно преуспеть и с дешевыми товарами за счет повышенных цен за доставку, добавила она. В силу гордости Нань не подала виду, что заинтересовалась, но семья была в отчаянном положении. И без крохотного пластмассового калькулятора ясно: если зарабатывать в пять раз больше, они смогут выжить. Была в этом даже какая-то ирония: семейство снова вернулось к дворовым распродажам и гаражным барахолкам и принялось обманывать таких же простаков, какими совсем недавно были они сами. Всего за полгода их прибыль достигла месячной зарплаты Шэня на старой работе. Мэйфэн уволилась, но начала сильно хромать. Каждый вечер она массировала себе колени, натирая их китайскими травяными маслами, и по всему дому разлетался запах терпентина.

На Рождество Шэнь сходил в магазин электроники «Бест-Бай» и вернулся домой с новеньким компьютером. Айви с Остином сцепились за право распаковать покупку. Мэйфэн закатила настоящий пир, подав на стол тушеную рыбу с маринованными огурцами, свинину по особому рецепту, нарезанную говядину, холодную лапшу, паровые свиные ребрышки со сладким картофелем и обжаренные кусочки свиной подбрюшины со сладкой бобовой пастой – любимое блюдо Айви. После обеда Нань села на диван, откинувшись на спинку: руки на коленях, лицо расслаблено, на губах играет снисходительная улыбка. Одна эта поза вызывала у всех членов семьи приступ дикой эйфории, ведь никто уже даже и не помнил, когда Нань в последний раз была в таком блаженном состоянии. Внутри коробки с компьютером обнаружилась куча упаковочного наполнителя, и пока Шэнь, выпив шесть бутылок пива, пытался освоить новую технику, дети носились по гостиной, стараясь насыпать друг другу в штаны пенопластовых снежинок.

* * *

Айви тосковала по северу, мечтая вернуться в Массачусетс, Вермонт или Мэн, – места, где в ее представлении всегда царила осень, пропитанная запахом каштана и дождей, и лежала красно-оранжевая листва, хрустящая под кожаной обувной подошвой, – или зима, когда все носили белые пушистые наушники, а витражные окна и крыши в форме пирамид укутывал свежий искрящийся снег.

Все время, проведенное в Кларксвилле, она думала, что ее настоящим домом был Массачусетс, и даже упоминала Грув в разговорах с ухажерами, – причем делала это с притворной скромностью, противоречащей ее природной гордости: «Небольшая частная школа. В ней было всегда жарко. А мы еще ходили в этих неудобных формах… Да, я из Массачусетса. Очень скучаю по этому городу». Разумеется, она ни разу не говорила о Западном Мэйплбури или Фокс Хилл, хотя очень живо описывала тихие тенистые аллеи, звон цикад, отдых на галечном пляже, роскошные дома из камня и стекла и запах жимолости, – именно из этого мира, как ей казалось, она пришла, и именно по нему она тосковала больше всего.

Итоговые оценки гарантировали ей место в университете с частичной стипендией. Родители говорили об этом как о лучшем из возможных вариантов.

– Любая мать знает свою дочь, – говорила Нань мужу. – Ее сильные стороны не в учебе, а в общении. Она постоянно болтает по телефону. У нее много друзей. Пин говорит, что в Америке социальные навыки куда ценнее, чем школьный аттестат.

Под социальными навыками Нань имела в виду общение с мальчиками. Она понимала больше, чем думала Айви, и давно оставила желание отдать дочь в медики. На его место пришла надежда выдать ее замуж за врача-китайца, который бы зарабатывал шестизначные суммы и имел свой дом в Нью-Джерси. Они бы родили мальчика и девочку, а после перевезли бы к себе всех бабушек и дедушек, которые поочередно помогали бы им со внуками.

У Айви были другие планы. Ее приняли в женский колледж неподалеку от Бостона. Как и большинство девочек, интересы которых сводились к поиску очередного ухажера, она строила из себя недотрогу, превозносящую благопристойность и целомудрие, чтобы искупить совершенные грехи. Плата за обучение в частном учебном заведении была непомерной – Айви последние два года вела книгу доходов и расходов и понимала, что у родителей нет таких денег. Ей пришлось взять ссуду.

Когда она рассказала семье о том, что ради учебы ей придется съехать от них, подлив масло в огонь новостью о кредите, у них с Нань завязалась небывалая перепалка. Поскольку Айви выросла и стала сильнее, бить ее мать не решилась, но принялась сыпать угрозами.

– Я покончу с собой, если ты не тин хуа, – бросила она в конце ссоры.

– Да ты уже мертва! – крикнула Айви. – Ты умерла вместе со своим парнем в Китае. Мы для тебя лишь паршивая замена!

Лицо Нань помрачнело. Она открыла, а затем снова закрыла рот.

– Думаешь, я мертва? Не хочешь видеть родную мать? Отлично. Иди на все четыре стороны. Мне уже все равно. Однажды ты все поймешь. Не меня тебе следует ненавидеть.

* * *

– Но я же не сделала ничего плохого, – сказала Айви Мэйфэн, четвертый час стоя под палящим солнцем на футбольном стадионе, где проходил школьный выпускной. Нань на церемонию не пришла.

Под сине-серебряной мантией у Айви по спине ручьями стекал пот. Она захотела приобнять Остина за плечи, но тут же одернула себя, вспомнив, каким высоким он стал. Заметив, что отец направляет на них камеру, брат с сестрой вздрогнули.

– Твоя мать боится, что ты испортишь себе будущее, – повторила Мэйфэн. – Знаешь, какими процентами облагают эти негодяи из банков глупеньких студенток вроде тебя? Долг – бездонная яма в…

– Да я у нее в вечном долгу, – рявкнула Айви. – Она думает, что мы с Остином ее рабы, просто потому, что были у нее в утробе.

Мэйфэн откашлялась и вручила ей открытку из дисконтного магазина. Около слов «Выпускной 2000 г.» была прикреплена стодолларовая купюра.

В августе Айви сложила в отцовскую машину два старых чемодана и пару настольных ламп. Остин выдавил мрачное «Пока». Мэйфэн вручила внучке какой-то крошечный предмет, завернутый в газету, – фигурку стеклянной собаки, в год которой та родилась.

– Не забывай звонить хотя бы иногда, – угрюмо попросила бабушка перед тем, как повернуться в сторону дома.

Отстояв семь часов в пробке под проливным дождем, Шэнь привез дочь в Бостон и помог ей занести вещи в общежитие. Комната оказалась блеклой и серой; пол был закрыт большим коричневым ковром.

– Я никогда не давал тебе наставлений, но хочу, чтобы ты запомнила одну вещь: будь скромной и благодарной за все, что имеешь. Не строй больших планов на жизнь. Всегда можно найти людей, которые в чем-то лучше тебя. Стоит только осмотреться.

– Хорошо, пап.

У Айви закололо кожу от негодования.

– И мама простит тебя. Не переживай, – добавил Шэнь.

Но Айви и не думала переживать. Она была свободна. На горизонте снова замаячили старые добрые союзники – решимость и целеустремленность. Под фотографией в выпускном альбоме у нее было написано: «Лучшее еще впереди» – и она действительно в это верила.

Часть 3

Глава 7

На часах было без двадцати минут четыре. Шестилетняя Арабелла Уитакер стояла под навесом, обросшим плющом, и рвала на куски собственный рисунок с оленями Санта Клауса. Ее должны были забрать еще двадцать минут назад.

– Арабелла, я позвоню Леонин.

– Но меня забирает Сиб.

– Кто?

– Моя двоюродная сестра.

Айви проверила почту. Эллен Уитакер писала, что сегодня вместо няни Арабеллу заберет ее племянница. Она не объясняла, что случилось, но Айви была уверена, что тихоня Леонин просто дождалась, пока ей не выдадут рождественский «бонус», и сбежала с корабля в родную Францию.

Наконец у обочины припарковалась белая спортивная машина, из которой вышла стройная блондинка. На снегу поблескивали металлические носки ее сапог.

– Вы кузина Арабеллы? – выпрямившись, спросила Айви. Она ожидала, что Сиб окажется пухлой ирландкой, похожей на девушку с пачки масла из ее любимого магазина.

– Да, это я, – ответила девушка. – Сильвия Спейер. Эллен предупредила вас?

Имя промелькнуло в сознании Айви, словно сдутая со старой книги библиотечная пыль. Она сделала вид, будто ищет в телефоне нужное письмо, но постаралась краем глаза рассмотреть Сильвию: кашемировое пальто, черный шарф до самых бедер, идеальная фигура, поджатые губы, темные очки-авиаторы. Ее сердце забилось сильнее.

– Так, вот оно, – сказала Айви, подняв взгляд. – Все в порядке.

– Отлично.

Девушка махнула Арабелле, чтобы ты садилась в машину.

– Только один вопрос, – крикнула Айви. – Мы с вами раньше не встречались?

Лицо Сильвии расплылось в абстрактной улыбке, которую обычно надевают политики, когда их узнают в общественных местах.

– Мы вместе учились в Йеле?

– Нет… А вы случайно не сестра Гидеона Спейера?

– Да, так и есть.

– Я ходила с ним в школу в Груве!

– Так вы подруга Гидди, – великодушно заключила Сильвия, поставив одну ногу в машину. – Включи печку, Белла. Я передам ему, что встретилась с вами, мисс…

– Линь. Айви Линь. Но я переехала после восьмого класса, и с тех пор мы не виделись.

– Восьмой класс? – Сильвия забарабанила пальцами по сумочке. – С ума сойти!

Айви в двух словах объяснила, что ей хорошо запомнилось то время, поскольку она была еще совсем глупышкой, влюбившейся в Гидеона.

– Мы встретились с вами на дне рождения. На стене еще висели красивые фотографии с каникул… и ваш отец! Такой весельчак. Он еще в политике?

Арабелла кричала, что опаздывает на балет.

– Твоя мама говорит, что сегодня можно пропустить, – ответила Сильвия через плечо. – Лучше сделаем пару фотографий для журнала одного моего друга. Ты же любишь позировать, золотце?

Она снова поставила ногу на обочину.

– Ну, не буду вас задерживать… – пробормотала Айви.

– Мы никуда не спешим.

Сильвия сняла очки. Глаза у нее были янтарно-желтые, с медовым отливом. Положив руку на крышу машины, она сказала, что отец ушел в отставку и вместе с женой переехал в Бекон Хилл. Гидеон только что закончил учебу и, вернувшись в Бостон, работает в какой-то медицинской компании.

– Что-то связанное с градусниками… В любом случае вам лучше лично спросить у него обо всем. Дать номер?

– Нет, спасибо. Наверное, он уже и не помнит меня.

– Он никого не забывает.

Айви не ответила.

Сильвия отрешенно продолжила, словно погрузившись в воспоминания:

– Невероятное совпадение встретить здесь кого-то из Грува… Вам нравилось это место?

– Ну… не совсем.

– Я тоже ненавидела его. Уж слишком оно было тесным и неестественным, как в той песне «Радиохед» про пластиковые деревья. Я мечтала поскорей уехать оттуда. Обещала себе никогда не возвращаться. И вот судьба свела нас здесь, в часе езды от Грува! – Она слегка откашлялась. – У нас не было выбора.

– Но теперь все изменилось.

Сильвия вздрогнула.

– Сильно в этом сомневаюсь.

Повисло молчание. Айви заметила крохотную морщинку между глаз собеседницы; они хмуро и несколько озадаченно смотрели друг на друга.

Арабелла нажала на клаксон.

– Я бы хотела… – начала Айви, но Сильвия перебила ее:

– Если вы…

Они засмеялись.

Покопавшись в набитой доверху сумочке, Сильвия достала мобильный телефон.

– Дай мне свой номер… Я устраиваю у себя новогоднюю вечеринку тридцать первого. Буду рада тебя видеть. Приходи, если еще нет планов. Пообщаешься с Гидеоном. – Глаза засверкали. – Можешь захватить еще кого-то.

Айви назвала свой номер и удрученным голосом добавила, что придет одна.

– Отправила адрес. Полдевятого. Очень надеюсь, что ты не передумаешь.

Сильвия подалась вперед. Айви показалось, что она собиралась ее обнять, но девушка лишь пожала ей руку. Дверь машины закрылась, но в воздухе остался приятный аромат лимонов и океана.

По лицу Айви потекли слезы.

* * *

Айви провела в ванной несколько часов так и не смогла избавиться от тревоги. Щеки горели от горячей воды. Она забыла взять с собой тапки, и теперь на деревянном полу красовались зловещие мокрые следы. Ей очень хотелось поговорить с кем-нибудь, но соседка Андреа еще не вернулась с репетиции. «Почему у меня нет друзей?» – отчаянно задумалась Айви, раздвигая шторы, чтобы насладиться лучами закатного солнца. Сквозняк мигом рассеял ее желание пожалеть саму себя. Она никогда не жаждала дружбы с девушками, как и не верила в существование платонической дружбы между мужчиной и женщиной.

Айви забралась под одеяло и прижалась к чуть теплой батарее. Уткнувшись в подушку, она прошептала: «Гидеон Спейер» – имя, которое она не произносила

уже больше десяти лет. Оно мгновенно вернуло былую надежду на светлое будущее, которая, как ей казалось, была безнадежно утеряна после расставания с Даниэлем. Весь вчерашний день она провела в постели – так сильно у нее заболел живот из-за внезапно полученной почтовой открытки: обычной фотографии горного хребта, на вершине которого спиной к камере стоял парень во фланелевых брюках и русской шапке-ушанке. Рядом сидел сенбернар. «Счастливых каникул!» – гласила надпись на снимке, однако обратного адреса не было. Видимо, двух лет отношений для этого было недостаточно.

Он бросил ее за неделю до Дня благодарения, накануне поездки в Вермонт. Андреа была уверена, что дело шло к свадьбе. Зачем же еще приглашать девушку на семейный ужин в предпраздничное время? «Знаю, тебя не волнуют такие вещи, – сказала она, – но мне кажется, что у Салливанов куча денег». Айви вздрогнула. Подруга на одном дыхании выпалила все свои догадки о тайных богатствах парня: домик у озера, недвижимость во Флориде, ежегодные походы на вершину Килиманджаро и Фудзиямы, не говоря уже о четырехдневных приключениях в «Белых горах» Нью-Хэмпшира, ради которых он даже брал отгулы на работе (вице-президент финансового отдела в ювелирной компании матери). Но Айви делала вид, будто ничего не замечала.

Однако поездка в Вермонт, неожиданное предложение руки и сердца, цветы для новоиспеченной миссис Салливан – ничего из этого так и не произошло.

– Я просто не могу представить тебя своей женой, – внезапно выдал Даниэль, когда они сидели в душной машине.

Они только что пообедали и сходили в кино, как часто делали. От этого было только хуже.

– С чего ты взял, что я хочу замуж?

Даниэль прижал очки к переносице и издал звук, похожий на свист старого чайника.

– Видишь? Именно это я и имею в виду. Ты такая закрытая! Я даже сейчас не могу понять, что творится у тебя внутри.

Наконец она поняла, о чем шла речь, но было уже поздно. Он сказал, что все кончено. Она забилась в истерике, и он на пару минут прижал ее к себе.

– Я не такая! Я всегда была честной с тобой… И никогда никому так не открывалась…

Вернувшись домой, она еще долго корчилась от боли, вспоминая, как это было унизительно.

Чтобы окончательно похоронить былые надежды, за один только декабрь Айви переспала едва ли не с десятком мужчин. Им с Андреа приглянулся один роскошный бар «Дресдан’с» на авеню Содружества, где крутились бизнесмены-фармацевты и финансисты, в основном из штатов на букву М – Мичиган, Мэриленд, Миннесота. Все они выглядели одинаково, в синем или хаки. Пока Андреа внимательно всех рассматривала, жадно обхватив полными губами кончик соломинки, выглядевшая на ее фоне скромницей Айви старалась как можно дальше отодвинуться от подруги и постоянно окидывала нервным взглядом все помещение. Позже Андреа наконец нашла себе компанию и окликнула ее: «Ты такая тихоня! Подсаживайся к нам», но Айви сделала вид, что только сейчас заметила сидевших с ней мужчин. Обычно ее спрашивали, чем она занимается, и она отвечала, что работает учительницей начальных классов в школе Кеннеди. Слышать о такой мог только настоящий житель Бостона, поскольку они все учились в ней или где-то по соседству, но мужчинам в баре не было до этого никакого дела. Они лишь зловеще улыбались, словно хэллоуинские тыквы, и клали руку ей на колено: «Наверное, тебе нравится работать с детьми. Я тоже их люблю. Моя племянница…» И тут начинались бесконечные истории о родственниках, чьими фотографиями на экране телефона они принимались радостно тыкать ей в лицо. Айви зачастую презирала подругу за удовольствие, которое ей приносили все эти слишком дешевые и наигранные попытки соблазнения, но еще сильнее она презирала саму себя. Она занималась тем же самым, ощущала те же нотки волнения перед очередной победой, – но считала, что должна все это скрывать. Ведь что тогда скажут о ее воспитанности? И благоразумии?

На следующий день после встречи с Сильвией Спейер позвонила Нань. Она поблагодарила за чек в триста долларов, который Айви отправляла каждый месяц, лишь бы не приезжать к матери, и поинтересовалась, не собираются ли они с Даниэлем приехать на Новый год в Кларксвилл.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Быть послушным (кит.).

2

Любить (кит.).

3

Няня (кит.).

4

Младшая сестра (кит.).

5

Манеры (кит.).

6

Я люблю тебя (кит.).

Купить: https://tellnovel.com/yan_s-yuzi/zagadochnaya-zhizn-miss-ayvi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити